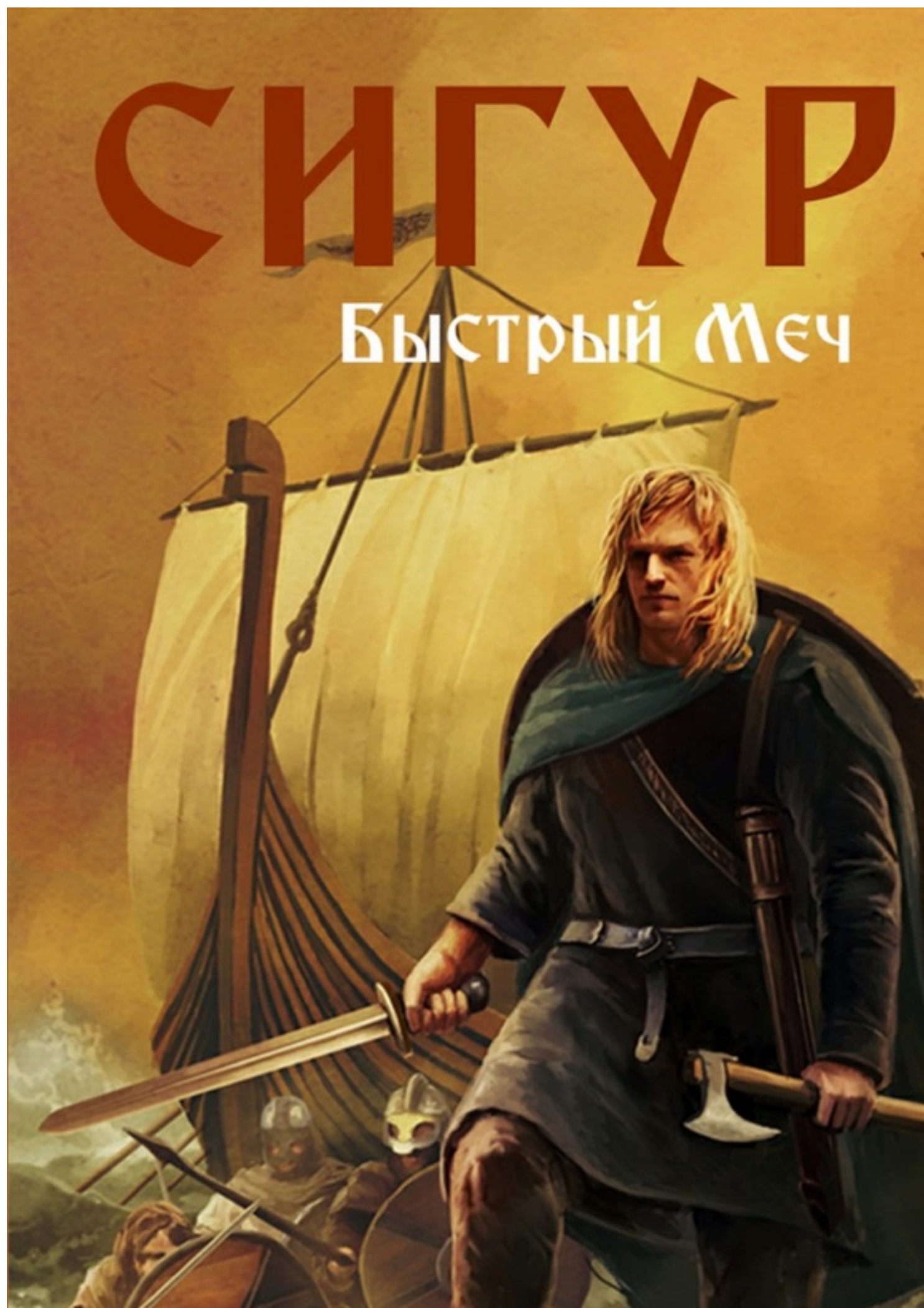

СИГУР

Быстрый Меч

Алексей Пишенин

Сигурд. Быстрый меч

«Издательские решения»

Пишенин А.

Сигурд. Быстрый меч / А. Пишенин — «Издательские решения»,

Новый исторический роман об эпохе викингов. События книги разворачиваются в конце 10 века н. э. в западной части Балтийского моря. Далекие походы, битвы, богатая добыча — вот о чем мечтает молодой Сигурд! Однако норны спряли для него иную нить. Биться с врагами приходится на пороге родного дома. Кровавые схватки следуют одна за другой, и с каждой победой рука Сигурда становится тверже, а меч быстрее. Но боги порой завидуют тем, у кого удачи слишком много, и беда приходит оттуда, откуда не ждали.

© Пишенин А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Сигурд Быстрый меч Алексей Пишенин

© Алексей Пишенин, 2016

© Вадим Брыксин, дизайн обложки, 2016

Редактор Ольга Мотовилова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Звезды хорошо видны и сквозь решетку. Смотреть на них со дна ямы гораздо веселее, чем на пустое небо, даже если по нему время от времени проплывают облака. Когда-то отец учил меня по звездам определять путь корабля. Но это было давно, и звезды здесь не те. Путеводную звезду видно только, если встать во весь рост и прижаться спиной к южной стене ямы. Зато Пятиугольник¹ кружится прямо над головой, и по нему легко понять, когда близится утро.

Ночью надо спать, если хочешь сохранить силы. Но сон не идет. К тому же, каким бы сильным ты ни был, удержать четырех коней, которые тянут твои руки и ноги в разные стороны, вряд ли удастся. Особенно если рядом стоят конюхи с кнутами. Так что оставшиеся две ночи можно следить за звездами. А днем уворачиваться от камней, которые время от времени кидают сверху, чтобы заставить тебя встать и дать рассмотреть получше.

Я думаю, мои сторожа неплохо зарабатывают на том, чтобы дать всем желающим посмотреть на Сигурда Грозу Саксов, прежде чем четверка коней разорвет его на части. О таком можно рассказывать детям и внукам. «Ростом он был с медведя, а ручки – толстые, как стволы деревьев!» Хотелось бы и мне, чтобы все было так. Тогда бы я наверняка смог дотянуться до решетки, которой накрыта моя яма, повиснуть на ней, упереться ногами в стену и сдвинуть ее в сторону. Видно, кому-то из сторожей такая мысль не давала покоя, поэтому меня и посадили на цепь. А, может, так приказал сам тан² Годред. Что ж, в предусмотрительности ему не откажешь.

А еще в набожности... Почему нельзя казнить пленника в день рождения Белого Христа? Разве Белый бог не порадовался бы смерти того, кто убил столько его почитателей? По мне, это было бы ему отличным подарком на праздник. Но как бы там ни было, мне подарили еще один день и еще одну ночь в яме. Годред так и сказал, что я должен быть благодарен Белому Христу за эту милость. Еще один день и еще одна ночь ожидания смерти. Годред знает, как надо мстить.

Еще один день и еще одна ночь, чтобы думать о том, какой же я глупец! Как просто я попался в ловушку! Похоже, мои враги знают меня лучше, чем я себя сам. Ну, насколько надо поглупеть, чтобы не заметить, будто меня, как волка, обкладывают загонщики! Как надо ослепнуть, чтобы не догадаться о приближающейся западне! А я, видя опасности, только смеялся, чтобы показать, что не принимаю их всерьез.

А чего стоил суд тана Годреда? Это была простая месть, которую седобородый тан выдал за освященное веками правосудие. С другой стороны, ему и впрямь было, за что отплатить мне. Только четвертование – это все же слишком даже для мстительного старика. Но я смеялся ему в лицо, выслушивая приговор – ведь я хёвдинг³ и сын хёвдинга, и мне пристало идти на смерть с улыбкой. Возможно, когда-нибудь, кто-то из наших скальдов⁴ услышит о моей участи, сложит песню, и мое имя прославится. Я вспоминал о ярле Рагнаре, которого восточные англй умертвили в яме с гадюками. Плач о нем облетел весь Север, и немало воинов пришло под стяг с вороном, что подняли сыновья Рагнара, поклявшись отомстить.

Годреду мой смех не понравился. И приговор, что он мне вынес, мало кто назвал бы справедливым.

¹ Пятиугольник – созвездие Большой Медведицы.

² Тан – у англо-саксов – представитель служилой аристократии, управляющий небольшой областью от имени короля или эрла (правителя большой области).

³ Хёвдинг – вождь.

⁴ Скальд – поэт в средневековой Скандинавии.

Я знаю, что заслуживаю смерти, как всякий викинг, от которого в походе отвернулась удача. Но даже Годред не смог найти свидетелей того, что я убивал безоружных или священников. Поэтому смерть моя должна быть быстрой и чистой. Сам бы я выбрал удар меча. Но согласился бы и на топор. Однако я видел, что Годреду это не кажется слишком зрелищным. Вырезать мне на спине кровавого орла – вот, что выбрал бы он, если бы за его спиной не стояли священники, нашептывающие, что христиане не должны уподобляться разбойникам, приходящим из-за моря. Что ж, и за это стоит поблагодарить Белого Христа. Теперь я умру быстро. Мучительно, но быстро. А Годред сможет показать саксам, как он мстит за их страдания. Как будто смерть одного воина защитит их от новых набегов!

А ведь было время, когда я готов был поселиться среди саксов и мирно сеять хлеб на этих тучных полях. Но только это было давно. Так давно, что если начать рассказывать, то можно проговорить день и ночь. Ровно столько, сколько мне осталось жить. Но лучше вспоминать, чем думать о четверке коней, рвущихся в стороны. Когда же все началось? Неужели прошло уже три года?

Глава 1

Осенний ветер трепал мой плащ, но солнце припекало еще совсем по-летнему. На небе не было ни облачка, и морская пена светилась серебром. Мы ехали вдоль берега, и то была шестнадцатая осень моей жизни.

Нас было трое: я, Асgrim Законник, мой одноклассник, и Токе, который был на два года старше нас, и поэтому считался нашим вождем. Токе был бы нашим вождем, даже если бы был младше, ведь он был сыном ярла⁵ Паллига, правителя всего острова Фюн, и в его в жилах текла королевская кровь. А мы с Асgrimом – были сыновьями простых бондов⁶. Ярл Паллиг приходился внуком старому конунгу⁷ Горму, племянником конунгу Харальду Синезубому, тому, что объединил всю Данию, и двоюродным братом конунгу Свейну, прозванному Вилобородым за длинную бороду, что перед боем он заплетал в две косицы.

Асgrim, прозванный Законником за унаследованную от отца, жреца и законоговорителя⁸ на нашем острове, привычку рассуждать с умным видом, приходился Токе двоюродным братом, но по материнской линии. Поэтому королевской крови в нем не было. А значит, он был таким же свободным бондом, как и я. И нам полагалось во всем повиноваться Токе. И тот, важничая, ехал впереди нас, показывая дорогу. Это было бы не так смешно, если бы мы ехали куда-либо еще, но наш путь лежал в усадьбу моего отца, и я знал все повороты берега наизусть еще с той поры, когда отец впервые отвез меня в усадьбу ярла Паллига.

Тогда я думал, что это будет очень почетно жить в усадьбе у ярла. Но Токе быстро объяснил мне, что никакого почета здесь нет, ведь я не буду фостри – приемным сыном ярла. Да это и невозможно, потому что приемный отец не может быть выше по положению, чем отец настоящий. А буду я просто заложником на случай, если мой отец откажется платить дань ярлу, как он уже не раз делал. И место мое за столом будет между самым младшим дружинником и ценным домашним рабом.

Конечно, все было не так плохо. Ярл Паллиг хотел, чтобы мы с Токе подружись, потому что даже ярл не может править без поддержки свободных бондов. А мой отец был самым зажиточным бондом на всем восточном побережье острова Фюн. Да только Токе не хотел дружить – он хотел повелевать, даже когда ему было только пятнадцать. И вместо золота, которое по обычаю вождь раздает своим людям, Токе раздавал нам подзатыльники, ведь он был сильнее и старше любого нас. Всего нас было четверо: я и еще трое таких же заложников, а пятым в команде Токе был Асgrim Законник. И так продолжалось бы и по сей день, если бы мы не объединились с Асgrimом и не накинулись на сына ярла за дровяным сараем. С тех пор он держал свои руки при себе, но по-прежнему ожидал, что мы будем ему подчиняться.

Теперь Токе вез меня домой, потому что мой отец ходил в поход с ярлом Паллигом и конунгом Свейном, и они убедились в его верности. На прощанье ярл подарил мне меч и сказал, что Токе с Асgrimом проводят меня. Увидев меч, я так обрадовался, что даже путешествие вместе с Токе не показалось мне совсем ужасным. Я долго разглядывал разводы на лезвии и узоры на крестовине и яблоке и пробовал сбривать волосы на своей левой руке, чтобы оценить остроту лезвия. Мечу я дал имя: Дракониий Клык. И теперь, ощущая его тяжесть у себя за спиной, я чувствовал себя могучим воином.

⁵ Ярл – у скандинавов – правитель большой области. То же, что и эрл у англо-саков.

⁶ Бонд – в средневековой Скандинавии – свободный человек, владеющий своим хозяйством.

⁷ Конунг – король у скандинавов.

⁸ Судья и толкователь законов.

– Долго нам еще ехать? – спросил Асgrim, обращаясь ко мне. – Я уже хотел бы чего-нибудь съесть.

– Маленький Асgrim проголодался? – Токе обернулся к нам. – Время приложиться к мамочкиной груди?

– Вот к чьей бы груди я охотно приложился, – тут же ответил Асgrim, – так это к груди твоей мачехи. И никто бы меня от нее не оторвал. – Асgrim подмигнул мне.

Сначала лицо Токе стало гневным, но затем он рассмеялся:

– Что же, попробуй, и отец скормит тебя собакам. Простому бонду, такому, как ты, даже мечтать о дочери конунга не стоит... Если он хочет жить.

Конечно, они говорили о Гунхильд, молодой жене ярла Паллига, дочери Харальда Синезубого и сестре конунга Свейна. Свадьба состоялась весной, перед тем как ярл отправился в поход в земли англов и саксов. Гунхильд было столько же лет, сколько и нам с Асgrimом, и она была красива, а Паллиг был старше ее лет на тридцать и казался нам стариком. Мы радовались, когда она проходила мимо, и всегда пытались завязать с ней разговор. Но Токе, мне казалось, ее ненавидел, считая недостойной занять место его умершей недавно матери.

– Если мне о ней даже мечтать нельзя, – Асgrim подъехал к Токе поближе, – может ты попробуешь ее очаровать? В тебе-то королевской крови много, ты нам сам об этом каждый день по три раза напоминаешь.

– Гунхильд – жена моего отца, и если ты об этом забыл, то сейчас я выбью тебе зубы, чтобы напомнить! – Токе делал вид, что сильно разгневан.

– Может, она и жена ярла Паллига, но я вижу, какими глазами ты на нее смотришь, когда думаешь, что тебя никто не видит. – Асgrim не испугался, потому что хорошо знал цену угрозам сына ярла.

Вот это была новость! Я как-то не замечал, что ненависть Токе напускная. Но сейчас Токе покраснел, и я понял, что Асgrim угадал.

– Я не знаю, что ты там видишь, – Токе справился с собой, – но я сейчас забуду твои слова тебе в плотку!

– Да брось ты, Токе, браниться попусту, – Асgrim решил пойти на мировую. – Всем нам нравится Гунхильд. Но мы помним, что она жена твоего отца. И самое большое, на что кто-то из нас может рассчитывать, это просто скромный поцелуй. Но в губы, а не в темечко, не так, как мачеха целует своего пасынка. – Асgrim подмигнул мне. – Один поцелуй в знак того, что ей кто-то понравился. Я, думаю, мог бы этого добиться.

– Ты? – Токе скривился. – Да от тебя слишком воняет протухшей селедкой, чтобы она просто смогла к тебе приблизиться.

– Кое-кому нравится и протухшая селедка, если она лежит в бочке достаточно долго. Но, может, ты покажешь нам, как надо очаровывать дочерей конунга? – ехидно спросил Асgrim. – А то мы видим только, как ты увиваешься за толстухой Сив на поварне.

И Токе снова покраснел. Он любил похвастаться своими похождениями. Правда, обычно это были сказки о том, как он соблазнил дочь знатного бонда, имя которого он не может назвать, и было это где-то далеко, где нас не было. А в усадьбе отца в Оденсе Токе только увивался за служанками, впрочем, без особого успеха. Спеси ему было не занимать, а вот щедрым его даже близкий друг не назвал бы. Впрочем, друзей у него тогда не было.

– Если бы я захотел, – ответил Токе, – то Гунхильд забыла бы все и...

Асgrim не дал ему договорить:

– Мы все знаем твою похвальбу, Токе. Давай биться об заклад, что у нас с Сигурдом быстрее получится заработать поцелуй Гунхильд? Готов поставить свой серебряный браслет против твоего кольца, что не ты будешь первым.

Асгрим толкнул меня в бок, и я закивал. Потом он показал на браслет и кольцо на пальце Токе. Браслет на ярмарке в Оденсе оценили бы раза в два дороже кольца. Поэтому Токе не удержался:

– Я принимаю твой заклад. И вот увидишь, не пройдет и двух недель после нашего возвращения, как браслет станет моим.

Асгрим Законник кивнул и сказал:

– Только если я его потеряю, а ты найдешь. Готовься расстаться с кольцом, ведь мы заключили ряд.

И Асгрим первым стукнул пятками бока своего коня и унесся вперед. А мы поскакали за ним.

В усадьбе моего отца Харальда Бьёрнсона жизнь кипела. Не прошло еще и нескольких дней, как он вернулся из похода со своим кораблем и привез большую добычу. Вместе с ним из похода вернулись мои старшие братья: Бьёрн и Рагнар. Сейчас Бьёрн, который был старше меня всего на три года, гордо расхаживал по берегу и с видом хозяина отдавал приказания работникам, разгружавшим корабль.

Бьёрн был первым, кого я увидел из своей семьи. И он обрадовался, когда заметил меня. Улыбка у него оставалась такой же, как и полгода назад, хотя на щеках уже пробивалась светло-русская щетина. Брат обнял меня, как только я спрыгнул с коня. Потом он поприветствовал Асгрима и Токе.

– Это был славный поход, – сказал Бьёрн, показывая рукой на бочонки и сундуки, которые переносили с корабля в амбары. – Конунг англов и саксов Эдальрод был очень щедр к бедным мореходам и согласился выплатить нам шестнадцать тысяч марок серебра. Ты бы представить себе не мог такую кучу серебра в одном месте! Только чтобы пересчитать долю конунга Свейна, понадобилось три дня. А потом мы еще три дня делили нашу долю между собой. И это не считая того, что мы взяли в его стране до того, как Эдальрод запросил мира.

– Мой отец сказал, что саксы не приняли боя, испугавшись нашего войска. Эти трусы так боятся за свои жизни, что платят нам серебром вместо того, чтобы встретить железом, – влез в разговор Токе.

– Жалко, что тебя не было с нами, Токе Паллигсон, – ответил Бьёрн, – не то бы саксы не отделались так легко.

Мы с Асгримом улыбнулись, но лицо Бьёрна оставалось невозмутимым, и Токе решил, что ему льстят.

– Отец обязательно возьмет меня в следующий поход и даст корабль с командой, – сказал он.

– Тогда тебе уже сейчас стоит начать подбирать себе людей, – ответил Бьёрн. – Негоже идти в поход с людьми, с которыми не хлебал из одного котла и не спал у одного костра.

Все-таки Бьёрн за эти полгода сильно изменился. Стал рассудительным, как наш отец. И даже Токе нечего было ему возразить, ведь он-то ни в один поход пока не ходил. Мне казалось, что Паллиг слишком бережет своего наследника, однако сам ярл говорил, что с походами незачем спешить, их и так будет немало, а Токе лучше еще подучиться драться на мечах и копьях.

Тут меня кто-то хлопнул по плечу. Я обернулся и попал в объятия к своему второму брату Рагнару. По нему я скучал особенно сильно. Ведь он был всего на год старше меня, и до моего отъезда в усадьбу ярла мы почти не разлучались.

– Ты вырос, Сигурд, – сказал Рагнар. – И в следующий поход ты пойдешь с нами.

Сам Рагнар тоже подрос, и у него появилась полоска усов над верхней губой. Да и взгляд он теперь как-то по-другому: увереннее и слегка снисходительно.

– В следующем походе Сигурд будет в моей команде, – снова вмешался в разговор Токе.

– Если так решит ярл Паллиг, – ответил Бьёрн. – Наш отец хотел бы, чтобы мы все трое были на одном корабле.

– Значит, идите ко мне в команду все трое, – сразу же нашелся Токе.

– И меня не забудьте взять, – в разговор вступил Асgrim, – когда у тебя будет корабль, Токе, – добавил он чуть погодя.

Бьёрн улыбнулся Асgrimу, и, обняв меня за плечи, повел в нашу усадьбу.

Мои родители были рады, что все их дети наконец собрались под родной крышей. И в этот вечер в нашем доме никому не было отказа в пиве и мясе. Сначала всем за столом раздали ржаные лепешки, затем внесли блюда с жареной свининой, и я положил на свою лепешку здоровый кусок задней ноги. Я никогда не мог есть мало, когда на поварне хозяйничала моя мать. Асgrim тоже налегал на свинину и только Токе морщил нос, тихо бормоча, что ему больше по нраву селедка с овсянкой, чем подгорелое мясо.

За столом по левую руку от отца сидела вся наша семья: мать, двое моих братьев и две младших сестры – Гюда и Аса. А справа от отца сидели его люди – те, кто ходил с ним на одном корабле, его команда. Корабль у отца был не очень большим – с восемнадцатью парами весел, и в команде у него было сорок четыре человека, не считая моих братьев. По правую руку от отца сидел его кормщик, суровый старик Кетиль Борода, прозванный так за достававшую до пояса белую бороду. Кетиль раньше учил меня ходить под парусом. За ним сидел Маленький Аке, здоровущий, заросший бородой по самые глаза воин, обычно охранявший моего отца в бою. Следующим был Толстый Карк, такой высокий и широкий в плечах, что когда его ставили во главе клина воинов, ни одна стена щитов не могла перед ним устоять. Еще дальше сидел Эстейн Синий Змей, прозванный так за рисунок дракона на спине и шее, – я тогда считал его лучшим воином моего отца, ведь это он учил меня биться на мечах и копьях, стрелять из лука и скакать на коне. Эстейн был нашим оружейником и, наверное, самым хитрым в дружине. За ним сидели остальные дружинники, и я радовался, глядя, как они едят и пьют в нашем доме, в доме их вождя – моего отца.

С нашей стороны дальше за столом сидели наши соседи – те, что не ходили в поход, но кому не терпелось узнать о том, что произошло в стране англов и саксов. Как только первые куски мяса были проглочены, а первые рога пива выпиты, встал Гудмунд из Бовенсе, чья усадьба лежала к югу от нашей.

– Приятно видеть, когда славные воины возвращаются домой с богатой добычей, – начал он. – Но пока молодежь еще не выпила много пива и не начала хвастать своими подвигами, хотелось бы и нам услышать рассказ обо всем, что случилось в земле саксов. Расскажи нам об этом, Харальд, без пустой похвальбы, как пристало мудрому мужу.

Мой отец встал, поклонился, снова сел и начал свой рассказ:

– Я расскажу вам о том, что видел, и как мы бились с англами, саксами, ютами и даже осевшими там сто лет назад данами. И я буду звать их саксами, как в старину, хотя даже западные саксы с тех пор, как их конунг Адальстейн подчинил себе север с Йорвиком⁹, теперь все чаще называют себя англами, а свой остров – Англией.

Отец отхлебнул пива в тишине и продолжил:

– Знаете вы, что наш конунг Свейн и Олаф сын Трюггви, вождь из Норвегии, уже второй год были в походе в земле саксов. Прошлым летом, слышали вы, наверное, прошли Свейн с Олафом вдоль всего севера Англии, и не было ни одной крепости, которая бы перед ними устояла. А войско саксов, что собралось против них, разбежалось, едва слышало их боевой клич. Взяли они и Йорвик и там зазимовали. И Свейн задумал на следующий год

⁹ Йорвик – скандинавское название Йорка.

идти на юг и послал в наши земли за людьми, потому как на юге больше крепких городов, и с малой силой их не взять. Тогда нас собрал ярл Паллиг и весной повел за собой.

Отец сидел, широкоплечий, с густой расчесанной частым гребнем бородой, со светло-русыми волосами, в которых еще не пробивалась седина, и хотя говорил он о том, что всякому здесь было известно, никто не осмеливался его перебить. Но вот он стал рассказывать о том, что случилось этим летом, как бились они под стенами самого большого города англов Лунденбурга¹⁰, как два раза приступали к стенам и два раза отступали и как бились за мосты на реке Темзе. Тут все уже совсем затаили дыхание – никто не хотел пропустить ни одного слова. Только иногда тишина прерывалась одобрительными возгласами, когда в рассказе кто-то из наших воинов сражал какого-нибудь особенно опасного противника. Потом отец рассказал, как вожди совещались и как решили уйти от Лунденбурга на юг и начать разорять тамошнее побережье.

– И вот как-то утром сидим мы в нашем стане, осаждая небольшой городок саксов, и тут видим: к нам идет множество людей в странных одеждах, – продолжал отец. – Мы поначалу подумали, что король Эдальрод решил напустить на нас колдунов, раз уж войско его разбегается, как только увидит нашу стену щитов. Но затем наши конные окружили колдунов, и те оказались священниками Белого Христа, которых конунг Эдальрод послал к нам говорить о мире. Тут уж мы обрадовались, потому как решили, что о серебре говорить со священниками намного легче, чем с бывалыми воинами. Но не тут-то было! Священники оказались жадными, как гномы. Дни шли за днями, а мы все никак не могли прийти к соглашению – ведь торговаться приходилось за каждую марку. Под конец конунг Свейн сказал, что его воины готовы в тот же день снова уйти в набег на земли конунга Эдальрода и велел седлать коней. Он сказал, что, по слухам, в землях западных саксов остались еще монастыри, в которых давно не молились северные мореходы. Только тогда священники согласились заплатить дань, приличную для таких бывалых воинов, как мы. И всего вышло шестнадцать тысяч марок чистейшего серебра!

Тут раздались довольные крики, а иные завистливо цокали языками. Но отец продолжил:

– Но и тут священники взяли свое. Конунг Свейн, едва получив нашу долю, сразу отправился домой, а Олаф сын Трюггви попал под их чары и согласился принять веру в Белого Христа. Он остался зимовать в Англии, и его люди говорили, что до весны немало серебра, что им заплатили, переключает обратно в руки саксов.

Тут опять встал Гудмунд из Бовенсе:

– Скажи, Харальд, верно ли говорят, что земли в Англии плодородны, а зима намного мягче, чем у нас?

– Это правда, Гудмунд, каждый из нас охотно поменял бы свой надел здесь на такой же надел в Англии, – ответил отец.

– Тогда скажи, Харальд, не было бы мудрее брать с англов не серебро, а землю, как делали наши прадеды при сыновьях Рагнара?

Гудмунд вспомнил о том, что происходило больше ста лет назад, когда далекие предки нашего конунга Свейна, сыновья Рагнара Кожаные Штаны, захватили три из четырех королевств в Англии. Многие бонды из наших мест переселились тогда в Йорвик и в земли восточных англов. Да только потом все их владения снова попали под руку конунга саксов.

– Твоя правда, Гумунд, – согласился отец. – Лучше бы нам было взять с саксов дань земель. Как ты, возможно, слышал, лет десять назад на пиру у своего отца наш конунг Свейн поклялся, что подчинит себе всю Англию. Однако не все, что хочешь, сразу получаешь. Олаф сын Трюггви разбил восточных англов три года назад, и все думали, что теперь некому будет

¹⁰ Лунденбург – англо-саксонское название Лондона в IX – X вв.

встречать нас с оружием на их берегах. Но куда бы мы ни приходили, мы видели и пеших, и конных в броне. И не сказал бы я, что кто-то из них готов был бы поделиться своей землей. А сказал бы, что у конунга Эдальрода воинов побольше, чем у нас. Да только вожди их не ладят промеж собой.

Тут в разговор вступил Эстейн Синий Змей:

– Пока еще саксы слишком сильны, чтобы отдать нам самое дорогое, что у них есть – свою землю. Но их конунг – никудышный воин, а его советников никто не назовет мудрыми. Пройдет время, саксы устанут платить нам дань и отвернутся от своего конунга. И тогда конунг Свейн примет их под свою руку и даст им мир.

– А все воины Свейна получают землю, – добавил отец.

Тут все радостно заревели, и Гудмунд провозгласил здравицу за конунга Свейна. Мои братья пошли и сели среди воинов. И только мне было не совсем радостно. Лицо у меня, видно, было таким мрачным, что Асgrim подошел, уселся рядом и спросил меня:

– Кое-кто бы сказал, что ты только что проглотил живую лягушку и теперь боишься открыть рот, чтобы она не выпрыгнула наружу. Неужели тебе не весело на празднике в честь возвращения твоего отца и братьев?

Мне пришлось ответить:

– Я – младший сын своего отца. Усадьба, где мы пируем, достанется моему старшему брату Бьёрну. Приданое матери будет разделено между моими сестрами. Мне и моему брату Рагнару нужна своя земля, а где ее взять, коли нет серебра? А как добыть серебра, если все время сидеть дома, а не ходить в походы?

Асgrim кивнул в сторону Токе, что налегал на свинину, хотя и назвал ее подгорелой.

– Токе старше нас, но еще ни в один поход не ходил. Так что всему свое время.

– Ха, – усмехнулся я, – все знают, что два года назад ярл Паллиг дал своей умирающей жене клятву не брать его в походы три года. Но на следующий год Токе пойдет в поход, и у него будет свой корабль. А кого из нас возьмет с собой отец?

– Ты говорил, что Бьёрн собирается жениться, – ответил Асgrim. – Возможно, с молодой женой он захочет остаться дома?

Я показал Асгриму на Труду, дочь Гудмунда из Бовенсе, которую сватали за моего брата. У нее были близко посаженные глаза, крючковатый нос и вечное недовольство на лице.

– Тебя бы удержала дома жена, если бы она была похожа на Труду?

Асgrim задумался:

– Кое-кто сказал бы, что она похожа на гусыню, но, возможно, я просто не могу разглядеть ее достоинств.

– Да, – я рассмеялся и зашептал ему на ухо, – ее достоинств ты тут не разглядишь, но они есть. Во-первых, это ее приданое...

Асgrim хлопнул меня по плечу:

– Можешь не продолжать. Этого хватит.

Но я продолжил:

– Во-вторых, как говорит сам Бьёрн, у нее сильные руки, выносливые ноги и здоровые зубы. А в-третьих, она знает толк в хозяйстве и будет доброй помощницей моей матери.

– Разве это плохо? – спросил Асgrim.

– Может, это и неплохо, но я бы предпочел отправиться в землю саксов и добыть там себе серебра, а если повезет, то и земли. А Бьёрн пусть остается дома, раз он все равно получит землю в наследство.

– Не стоит завидовать брату, Сигурд, – сказал на это Асgrim. – Люди говорят, что нити наших судеб – в руках норн, божественных прях. И никто не знает, как им вздумается вертеть твою нить и когда они решат обрезать ее.

Отец Асгрима был законоговорителем и жрецом в святилище Одина¹¹ в Оденсе, и от него он нахватался мудрых слов. Но меня он не мог убедить: я завидовал своим братьям в том, что они стали воинами, а я в своей жизни ни разу не сражался острым мечом. И я сказал:

– А если отец не возьмет меня с собой, то мне остается только одно – пойти за первым вождем, который пообещает мне серебра или землю, будь он хоть саксом, хоть даном, хоть Олафом сыном Трюггви.

Асgrim рассмеялся:

– Не торопи норн. И будь осторожен в своих желаниях, как всегда говорит отец, когда я прошу купить мне лошадь или новый шлем. Боги плохо слышат, и, когда твои слова попадают им в уши, то смысл их часто меняется. Так что желания сбываются не так, как ты думаешь.

Как он был прав тогда!

На следующий день Асgrim и Токе собирались в обратный путь, и я спросил их, помнят ли они про наш спор. На это Асgrim ответил, что раз я не смогу в нем участвовать, то его надо отложить до тех пор, пока я снова не приеду в Оденсе. Токе посмотрел на браслет Асгрима, хотел было возразить, но сказал:

– Асgrim сказал верно. Как только ты снова приедешь к нам в усадьбу, мы начнем считать две недели, о которых условились. Посмотрим тогда, кто у нас больше по нраву женщинам.

Он взобрался на коня и продолжил:

– И помни, о чем мы говорили здесь. У меня будет свой корабль, и твое место – в моей команде.

Мы с Асgrimом обнялись, и он шепнул мне:

– Токе боится подкатывать к Гунхильд, пока его отец дома.

Я улыбнулся, Асgrim тоже сел на коня, и они уехали. А я решил, не таясь, поговорить с отцом.

Я выбрал время, когда он был один, проверяя в сарае утварь перед наступлением холодов. Я вошел и с вызовом спросил, пойду ли я с ним в его следующий поход. Отец посмотрел на меня и рассмеялся.

– Вижу, Сигурд взрослеет, – сказал он, вдоволь насмеявшись. – Он начинает разговаривать, как мужчина.

– Я три года был заложником, а мои братья жили дома и ходили с тобой в походы. Теперь они вернулись с большой добычей, пока я терпел выходки Токе. – Я говорил, опустив глаза.

Отец не стал спорить.

– У тебя за спиной висит неплохой меч. Не покажешь ли ты, чему тебя научили в усадьбе ярла?

Я с радостью вынул из ножен за спиной Драконий Клык, с которым не расставался, и ждал, когда отец сходит за своим Кормильцем Воронов – дома он носил на поясе только нож. Но он взял в руки простые вилы и приказал мне нападать. Я не был готов к такому унижению и почувствовал страшную злость. Не помня себя, я бросился вперед, нанося удар слева сверху вниз. Но отец ожидал этого и легко уклонился от удара, вскользь коснувшись древком вил моего лезвия и подтолкнув меня вперед. Я не успел остановиться, как он оказался у меня за спиной и легко коснулся концом древка моего затылка.

¹¹ Один – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов – верховных богов.

– Даже если бы у меня были не вилы, а просто палка, то ты бы все равно проиграл. – Отец воткнул вилы в землю и оперся на них. – Видно, воины ярла совсем разленились, пока его не было дома. Теперь ты снова будешь каждый день упражняться с Эстейном. Если ты будешь прилежен, то весной я найду тебе место на гребной скамье.

Потом он подошел ближе и продолжал:

– Но запомни еще кое-что. Не стоит верить всему тому, что воины рассказывают, вернувшись из похода. Как ты думаешь, почему мы год за годом ходим к чужим берегам и берем все, что нам приглянулось?

Я задумался, но потом вспомнил слова ярла Паллига, что он не раз повторял Токе:

– Легенда говорит, что есть разные люди. Одним суждено быть рабами, другим бондами, а третьим – воинами и вождями. Мы – воины! Когда мы идем в поход, мы просто берем у рабов и бондов то, что наше по праву. Мы – сильные, и мы побеждаем врагов на их земле. А все, кто слабее, должны платить нам дань за то, что мы сохраняем их жизни. Разве не так?

Отец долго смотрел мне в глаза:

– Ты думаешь, что мы взяли добычу в битве, гордо побеждая врагов? Нет, мы добились дани, разоряя деревни и сжигая церкви. Кроме Лунденбурга, войско саксов мы видели только один раз за все лето. Да и то доброй битвы не вышло. Мы победили потому, что каждый раз, когда саксы собирали войско, мы садились на корабли и плыли грабить в другое место. В конце концов конунг Эдальрод устал смотреть, как бедствуют его крестьяне, и заплатил за них дань. Не думай, что в твоём походе будет по-другому. Когда ты сможешь, ворвавшись в дом, убить хозяина и увести в неволю его жену и детей, тогда ты сможешь участвовать в походах Свейна.

Помолчав, он добавил:

– Сам бы я уже давно перестал ходить в походы, да ярл требует дани железом. И в походах мне сопутствует удача. Однако над тобой ярл пока не властен. Потому не жалуйся на свою судьбу. Следующим летом ты узнаешь, годишься ли для войска конунга Свейна.

Я промолчал, и отец вышел. А сам я думал, что мои походы будут совсем другими, и я покрою себя славой, подобно героям из песен. Как наивен я был в шестнадцать лет...

Глава 2

Прошли осень и зима. Потом снег на полях начал таять, и ручьи устремились к морю. Из-под снега показалась черная вязкая земля, которая липла к башмакам и копытам коней. Потом земля высохла, и наружу пробилась первая трава. Мать всегда говорила мне, что в такую пору я и родился. Чему удивляться? Половина всех детей в наших краях рождалась поздней весной, зачатые в конце предыдущего лета, когда их отцы возвращались из походов. Я часто спрашивал мать, из какой страны вернулся мой отец перед моим появлением на свет. Но она отвечала, что не помнит точно и что он тогда ходил куда-то на юг, в земли франков. Как-то раз я спросил о том же у отца, и он рассказал, что в тот год вернулся из похода в Ирландию и привез Хельге, моей матери, большой золотой крест, который взял в каком-то святилище Белого Христа. А она встретила его с двумя детьми на руках, и Рагнар с Бьёрном громко орали, но затихли, когда он покачал крестом на цепочке у них над головами.

Конечно, с приходом весны никто в усадьбе не сидел без дела. Мы заново конопатили и смолили корабль, лодки и чинили паруса и канаты. А наши работники в усадьбе готовились к севу: чинили упряжь, точили лемехи плугов и разбрасывали по полям скопившийся за зиму навоз.

Изю всей дружины, которая ходила с отцом за море, в нашей усадьбе на зиму остались только семь человек. И главным над ними был Эстейн Синий Змей. Он же учил меня и братьев биться. Мы упражнялись каждый день с рассвета до полудня, а потом еще перед ужином. Часто Эстейн ставил нас против бывалых воинов и потом объяснял наши ошибки или наоборот хвалил в тех редких случаях, когда нам удавалось коснуться наших противников копьем или мечом.

Сам Эстейн вставал против нас редко, говоря, что если часто биться в неполную силу, то руки становятся не такими проворными. Но каждый день он выходил против Маленького Аке, телохранителя отца, и они лупили друг друга в полную силу, правда, тупым оружием. И после таких поединков чаще оказывалось, что на теле Аке больше синяков, чем у Эстейна. Иногда против Эстейна становился отец, и тогда никто из нас не брался угадать, кто победит.

По вечерам отец или Эстейн садились среди нас к очагу и рассказывали о походах и битвах. Отец говорил о том, как он ходил в земли франков, англов и диких иров. А Эстейн любил поведать о походах на Восток и о том, как он служил в дружине у конунга Гардарики¹² Вальдемара и там повидал воинов многих далеких народов. Часто Маленький Аке с Эстейном начинали спорить о том, кто из воинов разных земель выстоял бы против другого в схватке, но редко могли прийти к согласию. По словам Эстейна выходило, что патцинаки, далекие кочевые воины из степей на юг от Гардарики с их луками гораздо страшнее, чем все войско конунга Свейна с их шлемами, кольчугами, щитами, копьями и мечами. Аке же всегда доказывал, что против конного воина с длинным копьем, в броне и с лошастью, законченной в латы, как он видел в Руане, ни одно кочевое войско не устоит. Тут Эстейн распалялся и говорил, что конник с копьем хорош только тогда, когда его враг стоит на месте. Спор обычно прекращал отец, говоря, что в своей дружине хотел бы иметь и конников, и лучников.

У Эстейна был большой изогнутый лук, который он привез из Киева, где служил у Вальдемара. Он говорил, что взял его в бою с патцинаками¹³ где-то возле больших перекатов на реке, что течет на юг к Ромейскому¹⁴ морю. Тогда Эстейн вместе с командами пяти других кораблей спускался по реке. И на перекатах их ждала засада. Но их тогдашний вождь

¹² Гардарики – «страна городов» – скандинавское название Руси. Вальдемар – Владимир.

¹³ Патцинаки – печенеги, кочевые племена Причерноморья.

¹⁴ Ромейское – Черное море.

Олаф сын Трюггви заранее спрятал конников в ложбинке у самого первого переката, и едва патцинаки начали кружить вокруг кораблей и пускать в них стрелы, конники напали на них сзади. Патцинаки оказались между молотом и наковальней, и не менее двух дюжин из них так и остались лежать в зарослях камышей. Эстейн сам убил коня под одним из всадников, а потом и самому всаднику отрубил голову топором. У него он и взял свой лук. Нам он иногда давал пустить из него стрелу-другую, чтобы мы почувствовали, к чему надо стремиться. Но обычно мы стреляли из наших простых ясеневых луков, потому как Эстейн считал, что мы должны упражняться с тем оружием, которое у нас будет в бою.

Я часто вспоминал слова отца про сожженные деревни и грабежи и как-то спросил Эстейна, приходилось ли ему убивать безоружных. На это Эстейн ответил, что долгие походы научили его мудрости, которой он готов поделиться с нами. Мы подсели к нему поближе, чтобы не упустить ни слова. Помолчав немного, Эстейн заговорил. Мудрость эта в том, сказал он, что безоружного убить легче, потому как у него нет оружия и ему сложнее защититься. Все рассмеялись, а потом Эстейн, уже став серьезным, объяснил:

– Не много чести убивать безоружных, но таковы обычаи войны. Ты приходишь в чужой дом и берешь все, что хочешь: еду, одежду, ценности, женщин. За этим ты и приходишь, разве нет? Если хозяин дома пытается защитить свою семью, его надо убить, иначе он будет тебе мстить. Если же он смотрит на все, скованный страхом, то такого можно пощадить. Его дети вырастут трусами, и ты еще не один раз сможешь их ограбить. Так мы и поступаем в чужих землях, и они склоняются перед нами. Конунг Свейн уже два года ходит в походы на саксов. Еще несколько лет, и они не смогут ему сопротивляться, когда все их смелые люди падут поодиночке во время наших набегов. Тогда мы заберем себе их земли.

Я посмотрел на отца и братьев. Отец еле заметно кивнул, потом помолчал и, наконец, добавил:

– Земля на нашем острове хороша. Мы выращиваем рожь и ячмень и получаем столько зерна, что хватает отложить на будущий сев и есть хлеб и пить пиво весь год. Но земли на юге намного лучше. Там мы могли бы собирать столько зерна, что еще оставалось бы на продажу. И в наших сундуках копилось бы серебро без того, чтобы ходить в походы. Но на землях тех уже живут франки или саксы. И чтобы там поселиться, нам надо их подчинить или закопать в землю по их обычаю.

Тут Бьёрн сказал:

– Мы смотрим на земли на юге, но земли на север от нас не так хороши, как наши. И к тому же зима там продолжается по полгода. Получается, что люди на севере так же смотрят на наши земли, как мы на земли саксов?

– Да, ты прав, Бьёрн, – ответил отец. – Потому мы никогда не уходим на юг, не оставив крепкого войска на своих берегах. И потому оставаться дома для нас не менее почетно, чем уходить в поход. – Тут он посмотрел на меня.

Я понял, что он тоже помнит наш разговор и снова предлагает мне выбор. Если я такой мягкотелый, что не могу убивать, как другие, не лучше ли мне остаться дома? Я сделал вид, что не понял его предложения и промолчал.

Но норны прядут наши судьбы, как им вздумается. И часто мы думаем, что нам предстоит сделать выбор, когда его уже сделали за нас.

Солнце согрело землю, и мы засеяли наши поля. По утрам Эстейн учил нас биться на перепаханной земле, стараясь не оступиться и не упасть. А днем мы бросали зерна в эту землю, идя в ряд: отец, братья, я и наши работники. Отец говорил, что добрый хозяин всегда сам сеет свой хлеб. Только тогда он родится сильным. Это жатва – время, когда работают женщины, собирая колосок к колоску, чтобы не потерять ни зернышка.

Потом пришли вести о том, что ярл Паллиг снова собирает корабли в поход. А затем прискакал и гонец от ярла к отцу с приказом быть через три дня в Оденсе с кораблем и командой. В один день отец собрал свою дружину. Был пир, а мы, трое братьев, гадали, кто из нас пойдет в поход, а кто останется дома. Но до конца пира об этом не было сказано ни слова. И только на следующее утро отец позвал нас.

Он сидел в своем кресле в почетном углу дома, а мать сидела в кресле поменьше рядом с ним. Мы стояли от них в двух шагах, и каждый из нас понимал, что в эти мгновения, может быть, решается наша судьба. Отец посмотрел каждому из нас в глаза и сказал:

– Мы с матерью решили, что в этот поход пойдут Рагнар и Сигурд.

У меня захватило дух от радости, а Бьёрн пытался возразить:

– Отец, Сигурд еще молод, а мой меч не успел затупиться в битвах... – начал он, но отец взмахом руки прервал его.

– Ты ходил со мной в поход, и я знаю, что могу положиться на тебя. Ты – мой старший сын и наследник. Пора тебе учиться самому управляться в усадьбе, когда меня нет рядом. Если ты выдержишь и это испытание, то сможешь сам решать, когда тебе ходить в походы, а когда оставаться дома. Но сейчас мы это решили за тебя. В последний раз. К тому же тебе пора думать о женитьбе. А в поход пойдешь, когда твоя жена принесет тебе наследника следующей весной.

Бьёрн не стал больше спорить. С тех пор, как он стал таким рассудительным, он слишком часто соглашался с отцом. Я гадал, стану ли я таким же, когда повзрослею, или просто он всегда будет мудрее меня. Но сейчас я был рад его сговорчивости и даже благодарен ему, хотя решение принимал не он, а отец.

И вот мне нашли место на весле по левому борту в самой середине корабля. Рядом со мной на весло сел Рагнар, Кетиль Борода стал у кормила, а Эстейн Синий Змей на носу. Отец еще на два дня задержался в усадьбе, чтобы посмотреть, как Бьёрн начинает там распорядиться. А мы вышли в море и пошли на север по проливу Ромсё. Ветер дул с севера, и до полудня пришлось ворочать веслами. Потом мы повернули на юго-запад и поставили парус.

Я сидел и смотрел то на берег, то на Рагнара и меня переполнял восторг: я был на корабле, идущем в далекие земли, среди воинов, о чьих подвигах не раз слышал на пирах в нашем доме. И они принимали меня как равного, они готовы были поставить меня в стену щитов, чтобы я защищал их, а они меня!

Мой первый переход продолжался почти до вечера. Мы вошли в залив Оденсе и вскоре подошли к усадьбе ярла Паллига. И первым, кого я увидел на берегу, был Токе. Он стоял, съездившись под ветром на пристани, к которой были причалены восемь кораблей. Пристань была длинной, и сразу было видно, что здесь живет знатный человек, ведь к ней могли причалить сразу две дюжины кораблей, и еще осталось бы место для рыбачьих лодок.

Токе помог нам пришвартоваться и поприветствовал Эстейна от имени своего отца, ярла Паллига. Затем он спросил, хотим ли мы, чтобы нам дали место для ночлега на берегу или мы будем ночевать на корабле. Эстейн ответил, что последние ночи перед походом предпочел бы спать на твердой земле, и Токе повел нас к длинному дому, где жили дружинники ярла, которым на время велел потесниться. Не успел я положить на лавку свой плащ, как Токе сказал:

– Ты будешь ночевать не здесь. Ты должен быть с твоей новой командой.

Я уже понял, что он имеет в виду, но притворился недоумком, что, впрочем, у меня тогда легко получалось:

– Но, Токе, это и есть моя команда...

Он не дал мне закончить:

– Ты разве забыл!? Ты будешь в моей команде! На моем корабле!

– У тебя есть корабль? – Я всегда в глубине души считал его слова пустой похвалой. И теперь, когда корабль был наяву, меня снова начинала грызть зависть. Ведь из Токе вышел бы плохой вождь, надменный и себялюбивый. Видно, не зря ярл Паллиг послал его встречать все приходящие корабли. Решил, что сыну пора преподать урок учтивости. Но сейчас мне только и оставалось, что сказать:

– Прости, Токе, я не знал, что у тебя уже есть корабль. И я буду рад его увидеть, но чтобы идти к тебе в команду, мне нужно спросить разрешение у отца, а он остался дома до послезавтра.

– Сигурд, как ты мог забыть об этом? У тебя что, совсем ума нет? – Токе начал злиться. – Мой отец прикажет, и ты сможешь сразу идти к нам.

Но тут за меня вступился Эстейн:

– Прости, Токе, но Сигурд дал клятву хёвдингу Харальду Бьёрнсону, своему отцу. И только хёвдинг Харальд Бьёрнсон может разрешить его от нее. Так что пусть он еще два дня проведет с нами, а потом его отец и ярл решат, на чьем корабле он в первый раз обагрит свой меч кровью врагов.

Токе скрепя сердце согласился, но все равно забрал меня с собой, сказав, что к вечеру я вернусь. Он повел меня показывать свой корабль, и там я увидел Асгрима, который принес на пристань свернутый в бухту канат для крепления мачты. Мы обнялись, и я принялся разглядывать «Сына бури» – Токе с гордостью назвал мне имя своего корабля. «Сын бури» был небольшим – на пятнадцать пар весел – но, судя по обводам, ходким кораблем. Многие говорят, что если у тебя небольшой корабль, то лучше, чтобы это был кнарр: с широким корпусом, в который помещаются запасы на долгий переход в открытом море или товары для торговли. Но у Токе был настоящий маленький драккар: узкий боевой корабль, способный быстро идти и под парусом, и легко скользить по волнам на веслах. Конечно, на драккаре сложно пересечь море, отправляясь в Исландию, на нем мало места, чтобы большая команда жила на палубе день за днем. Но если плавать вдоль берега и приставать на ночь, то можно за день проходить раза в полтора больше, чем на медлительном кнарре. И этот корабль принадлежал Токе!

Асgrim увидел, как завистливо я рассматриваю «Сына бури», и спросил Токе:

– Ты слышал, что тебя ищет Серый Коготь?

Токе как-то встревожился и покачал головой.

– Тогда поспеши в усадьбу, потому что Серый Коготь может разозлиться. – Асgrim кивнул в сторону усадьбы.

Токе ответил с вызовом:

– Это тебе нужно бояться гнева Когтя, а мне на него наплевать. Если я захочу, то его не будет на моем корабле.

– Многие бы поостереглись ссориться с Когтем, но раз ты так говоришь, то я скажу ему, что у тебя есть дела поважнее, чем приходить, когда он зовет. – Асgrim сложил бухту каната на палубу и перепрыгнул с планширя на пристань. – Не уверен, что Когтю это понравится, но я постараюсь держаться со стороны его левой руки. Так ему будет сложнее выбить мне зубы, когда я передам твои слова.

Асgrim повернулся ко мне:

– Ты знаешь Серого Когтя?

Я покачал головой:

– Даже не слыхал о таком. Откуда он взялся?

Асgrim объяснил:

– Асбьёрн Серый Коготь служил в дружине у Олафа сына Трюггви. Но когда Олаф решил принять веру в Белого Христа, то Коготь ушел от него. У него на то есть причины: лет пять назад он служил в Миклагарде в охране тамошнего конунга. И как-то во время какого-

то праздника жрецы несли перед своим конунгом большую доску, на которой разными красками был нарисован один из хёвдингов Белого Христа. А Коготь шел впереди и расталкивал толпу перед жрецами вместе с еще тремя людьми. Вдруг в толпе Коготь увидал лучников. Он бросился назад к конунгу и принял две стрелы на свой щит. Лучников схватили, долго пытали, а потом отрубили им руки и ослепили. А Когтя просто выпороли жестким кнутом.

– Но за что? Он же спас конунга? – Я ничего не понимал.

– Да, он спас конунга, но когда Коготь рванул назад, он повалил жрецов с размалеванной доской, да еще наступил кованым сапогом на лицо христового хёвдинга. Вот за это он и получил десять ударов кнутом. И хотя потом конунг пожаловал ему не только серебро, но и золото за спасение своей жизни, с тех пор Коготь ненавидит священников Белого Христа и убивает их, где может.

Асгрим вздохнул:

– О Когте говорят, что он часто бушевал, как берсерк¹⁵, еще до того, как его выпороли. Но теперь такое случается чаще. И иногда достаточно просто сказать, что кто-то из его воинов не слишком торопится выполнять его приказ, чтобы он схватил топор и пошел рубить всех, кто бы ни попался под руку. Иногда я завидую тем, кто его не боится. – Асгрим посмотрел на Токе.

– Ну, отец сказал ему за мной присматривать, – скороговоркой произнес Токе. – Может быть, у него есть для меня важные новости, и неблагоразумно было бы их пропустить. А потом показать себя полным недоумком на военном совете у отца...

Токе быстро пошел в сторону усадьбы. Асгрим улыбнулся мне так, как часто улыбался раньше во время наших ссор с Токе.

– Ярл Паллиг, конечно, дал своему сыну корабль, но вместе с ним он дал Токе Асбьёрна Серого Когтя. Чтобы ненароком не случилось какой беды. Токе думает, что это его корабль, но когда он отдает приказание, то все вначале смотрят на Когтя и только потом бросаются выполнять.

Я вздохнул:

– И мне придется быть в его команде?

– Никто не может заставить вольного бонда идти служить ярлу или хёвдингу. – Асгрим повторил слова Закона, по которому мы жили. Его отец жрец был также и годи, законодатель, и помнил все старые законы наизусть. А когда не мог вспомнить ничего похожего на то, что было нужно, то ловко переставлял части других законов так, что они подходили к новому положению.

– Да, только все, кто владеет землей, обязаны платить дань конунгу. А ярл Паллиг ее собирает в наших местах. И он решает, брать ли дань серебром или железом, то есть службой в его дружине. – Я тоже неплохо разбирался в законах, потому что меня учил отец.

Отец несколько лет назад отказался давать дань, сказав, что ярл Паллиг слишком жаден: требует все больше людей в свою дружину каждую весну, а при разделе добычи забирает себе даже не треть, а половину. И вместе с ним отказались служить Паллигу бонды со всего восточного побережья Фюна. Но люди ярла с горящими факелами окружили нашу усадьбу как-то ночью, и отцу пришлось согласиться с тем, что нельзя назвать жадным человека, который готов подарить тебе жизнь. Так я поехал жить к ярлу Паллигу, а со мной вместе – сыновья еще трех богатых бондов из нашей округи.

– У тебя нет земли. И нескоро будет, – прервал мои воспоминания Асгрим. – Так что ты можешь отказаться идти в дружину ярла и за скромную плату и стол пасти овец в какой-нибудь усадьбе целое лето.

¹⁵ Берсерк – воин, посвятивший себя богу [битая ссылка] Одину. Перед битвой берсерки приводили себя в ярость. В сражении отличались неистовостью, большой силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли.

Мысль об овцах показалась мне не слишком привлекательной. Я представил, как гоняюсь за ними с мечом и чуть не расхохотался. Поэтому я перевел разговор на другое:

– Ну как вы тут? Я вижу у тебя твой браслет. Что, за всю зиму Токе не добился поцелуя от Гунхильд?

– Мы же договорились, что пока тебя нет, то наш спор откладывается. – Асгрим повел меня в сторону усадьбы.

– Почему? Разве я тоже участвую? – Мысль о споре всю зиму не давала мне покоя. Мне даже несколько раз снилось, как я целую Гунхильд, а потом на моем месте оказывается Асгрим. В конце всегда раздавался смех Токе, и я просыпался. Однако я не хотел показывать даже Асгриму, как меня эти мысли волнуют.

– Конечно, – ответил Асгрим. – Я поставил браслет против кольца. Но Токе испугался того, что ему нельзя будет даже близко подойти с поцелуем к мачехе, пока его отец зимует тут же в усадьбе. Вот летом, когда ярл в походе, – другое дело. Но мы и сами идем в этот поход. Потому мы договорились, что откладываем наш спор до весны, когда все будут собираться, будет суматоха и ярлу будет не до Гунхильд. А браслет по-прежнему идет как наша с тобой ставка.

– Но что мы успеем сделать за три дня, прежде чем отплывем на юг? – спросил я. – Я вообще не понимаю, зачем нам нужен этот спор. Забыли бы его давно.

– Спор нам нужен, чтобы позлить Токе. Посмотри на себя: за зиму ты вырос, стал заплетать волосы в косы, у тебя пробивается борода. Почему бы Гунхильд не поцеловать тебя?

– Да зачем ей вообще кого-то из нас целовать? – я чувствовал, что краснею, и оттого начинал злиться.

– С того, что она нравится и мне, и тебе. А ярл на нее даже не смотрит. У него есть три наложницы на окрестных хуторах, а к Гунхильд он заходит раз в месяц. Он и женился на ней только потому, что конунг сам предложил ему любую из своих сестер в жены в награду за добрые советы, а от такой чести отказываться не принято. Самому же ему больше по нраву женщины в теле и постарше. Так чего же такой красоте пропадать?

– Тогда, если ты решил соблазнить жену ярла, причем здесь мы с Токе? – теперь я говорил тихо, боясь, что нас кто-нибудь услышит.

– С того, что это хороший спор. Если мы проиграем, то всегда сможем грозить Токе тем, что расскажем о том, что он водит шашни с мачехой. А если выиграем, то здорово позлим его, и он, возможно, не захочет нас видеть на «своем» корабле.

Тут я рассмеялся. Быть сыном жреца и законоговорителя – это все равно, что выпить из источника мудрости, как когда-то сделал сам Один. Только про Одина рассказывают, что за это ему пришлось отдать один глаз, а в Асгрима мудрость вливалась с детства без всякой платы.

Я хлопнул друга по плечу и сказал, что и Локи¹⁶ позавидовал бы его хитрости. Асгрим рассмеялся в ответ и сказал:

– Ты еще не знаешь, что я придумал. Завтра, когда начнется пир и все будут заняты только пивом и жареным мясом, мы устроим состязание на мечах и позовем Гунхильд посмотреть. И дальше пусть Токе уговорит ее поцеловать победителя. Он-то уверен, что его никто не побьет и так он выиграет спор и получит браслет.

– А кто сможет побить Токе? Он здоровее нас, и руки у него длиннее. – Я не понимал, что у Асгрима на уме.

– Не знаю, как ты, а я всю зиму учился биться вместе с лучшими воинами ярла. Так что Токе будет нелегко справиться со мной. – Асгрим прямо раздулся от гордости и затем

¹⁶ Локи – бог хитрости и обмана в скандинавской мифологии.

осмотрел меня понимающим взглядом. – Да и ты, я вижу, зря времени не терял. Но помни, в любом случае мы выигрываем.

Я кивнул, и мы зашагали к усадьбе мимо воинов, которые что-то обсуждали. Видно было, что все припасы на корабли уже погружены, оружие наточено и смазано жиром, чтобы лучше переносить соленые брызги. И теперь все ждали, когда начнется пир, который ярл Паллиг устраивал всякий раз перед походом. Мне же до пира теперь не было особого дела – я думал о том, как мне победить Токе в битве на мечях. И, главное, хочу ли я это сделать.

Пир начался долгой здравицей, которую отец Асгрима Торгейр Годи сказал ярлу Паллигу. Он долго говорил о том, как ярл мудр и многоопытен в походах, желал ему взять большую добычу и привести всех своих воинов домой. Все выпили пива, которое в этот раз было не таким крепким, как на осенних пирах, потому что ярл опасался ссор, когда столько воинов собиралось под его крышей. Слуги внесли несколько больших котлов с похлебкой, – видно, мой отец не зря обвинял ярла в скаредности: ждать, пока все набьют животы жидким гороховым варевом, перед тем, как вынести мясо! Однако никто не жаловался, все накинулись и на такое угощение, ведь пиво наливали всем сколько влезет. Слуги черпали пиво из бочек ковшами и разносили каждому, кто клал свой рог на стол, показывая, что он пуст. Разговоры пока не начинались, потому как все были голодны, ведь ярл не выдавал на корабли припасы из своих кладовых, а вожди кораблей не готовы были раскрывать свои бочки и мешки еще до того, как выступят в поход.

Ярл беседовал с Асбьёрном Серым Когтем, что сидел по правую руку от него. А я смотрел на Гунхильд, которая сидела по левую руку от ярла, и видел, что она пьет мёд из красивого стеклянного кубка. Ее волосы соломенного цвета, которые по обычаю полагалось бы заплести в две косы, были распущены. Их скреплял золотой обруч, унизанный самоцветами. Большие голубые глаза в полумраке пиршественной палаты казались темно-синими. Временами она обводила рассеянным взглядом гостей, и тогда мне казалось, что эти глаза задерживаются на мне. Слева от Гунхильд сидел Токе и что-то ей рассказывал. Видно, за зиму он стал по-другому с ней обращаться, и она больше не смотрела на него с испугом. Все-таки спор сделал свое дело. А, может, просто Токе решил перестать скрывать, что она ему тоже нравится, раз Асгрим это все равно заметил. Однако мне показалось, что, несмотря на то, что Токе рассказывал мачехе что-то веселое, ее взгляд иногда в тревоге перебегал от сына на отца и обратно.

Наконец, ярл подал знак, и слуги вынесли подносы с жареной свиной. Тут все одобритительно закричали, а Токе спросил что-то у своего отца. Тот кивнул, и Токе с Гунхильд вышли из-за стола. Я пошел следом, хлопнув по плечу своего брата Рагнара и шепнув пару слов Эстейну Синему Змею. У дверей я увидел, что следом идут Асгрим и еще трое парней, Кнут, Кай и Бранд – сыновья бондов, что, как и я, жили в заложниках у ярла.

Следуя за Токе, мы зашли в кладовую, где он выдал нам каждому по затупленному мечу, по стеганой рубахе и по щиту. Гунхильд стояла тут же и поздоровалась, когда мы подошли. Ее глаза блестели, и было видно, что она выпила свой кубок мёда почти до дна. Взяв оружие, мы пошли подальше от усадьбы по дороге, ведущей на восток. Я ездил по этой дороге домой, и хорошо знал, что за поворотом будет большая ровная поляна. Видно, туда нас и вел Токе.

По дороге он рассказывал, что перед походом мы все должны показать, на что способны, а самому смелому Гунхильд согласилась подарить поцелуй на удачу. Кнут, Кай и Бранд переглянулись, а Гунхильд засмеялась:

– Если простой поцелуй принесет вам удачу в бою, я готова расцеловать вас всех, но только Токе будет возражать.

Мы с Асгримом посмотрели друг на друга. Похоже, Токе решил схитрить и подливал Гунхильд мёд не жалея.

Мы вышли на поляну, и оказалось, что Токе велел заранее вбить четыре ивовых прута и натянуть между ними веревку, чтобы получилось поле для поединка. Токе остановился и объяснил нам правила: мы должны драться по двое. Для этого нужно было тянуть жребий. Тот, кто получал три удара мечом, считался проигравшим. Затем трем оставшимся надо было биться друг с другом по очереди. Для победы надо было выиграть два поединка. Или чтобы противник отказался драться.

Мы бросили жребий, и мне выпало биться с Брандом. Мы были первыми. После того, как Токе стукнул мечом об обод шлема, надетого на кол, Бранд бросился на меня и начал наносить сильные удары справа и слева. Так нас учил драться Трехпалый Кьяртан – оружейник в усадьбе ярла Паллига. Однако в искусстве боя не ему было тягаться с Синим Змеем: я легко уклонялся от ударов Бранда и кружил по полю, пока тот не устал. Тогда я сам пошел вперед, сделал два обманных выпада влево и вправо, так что Бранд широко расставил ноги. После этого я быстро присел и со всей силы рубанул его по левой ноге, так что он не успел прикрыть ее щитом. После этого Бранд как-то сразу сдался, и я еще два раза уколол его после обманных выпадов.

Зрители разразились одобрительными криками, и я хорошо различал голос Гунхильд, которая кричала:

– Сигурд! Сигурд!

Настала очередь Кая и Асгрима. Тут смотреть было особо не на что. Кай был довольно неуклюж и весил на пару стоунов больше, чем полагалось при его росте. Асgrim быстро загонял его, все время держась с левой руки и заходя за спину. Наконец, он ударил Кая в спину, и тот сразу сдался. Гунхильд захлопала в ладоши. Токе снисходительно улыбнулся.

Сам Токе дрался с Кнутом. И Кнут был, пожалуй, самым серьезным соперником из нас пятерых. Он хорошо обращался с мечом, и делал много обманных движений. Мне всегда было непросто его победить. Однако Токе был на полголовы выше и шире в плечах. Он не стал ждать, пока Кнут начнет уклоняться в стороны и изображать удары в разные точки, а быстро сблизился с ним, отбил меч и ударил щит в щит. Кнут отлетел почти на два шага, Токе не отставал и ударил сверху. Кнут поднял свой щит над головой, но стоял слишком близко к Токе, и тот ткнул его ободом своего щита в лицо. Кнут упал, бросил меч и попросил пощады. Видно, он не ожидал, что Токе будет биться так жестоко, как бьются только в настоящем бою. В этот раз Гунхильд не радовалась, потому что у Кнута пошла кровь носом, и он забрызгал ею всю свою рубаху.

Следующими бились мы с Асгримом. До начала боя я посмотрел на Гунхильд и решил, что мне не пристало играть в эти игры. Она была женой ярла, а мы втянули ее в свой спор, да еще Токе напоил ее мёдом. Конечно, мне хотелось, чтобы она меня поцеловала, но не ценой обмана. Поэтому я не особо усердствовал, пару раз промедлил и дал ему меня слегка коснуться. Зрители разделились: Бранд и Токе криками поддерживали Асгрима, а Гунхильд и Кнут – меня. Тут я для порядка сделал несколько выпадов и ткнул Асгрима в плечо – он слишком расслабился, почувствовав, что близок к победе, и слегка опустил щит.

Но затем я уже не сопротивлялся и дал себя уколоть в левую ногу, выставив ее слишком далеко за щитом. Раздались крики, и Токе хлопнул по плечу Асгрима:

– Ты сегодня силен, однако я все-таки сильнее. Мы дадим тебе немного времени отдохнуть, а потом я покажу, что такое настоящий бой.

Мне Токе кивнул:

– Я не ждал от тебя подвигов, но сегодня ты сражался еще хуже, чем раньше. Не знаю, можно ли будет тебя поставить в стену щитов вместе с моими людьми. У тебя такой вид, что ты устал и не можешь больше сражаться.

Я стоял, опершись на меч, и делал вид, что у меня нет сил. Ничего не отвечая, я кивнул.

Гунхильд подошла ко мне и спросила, не сильно ли меня ударил Асгрим. Я улыбнулся ей и ответил, что все хорошо. Она спросила меня про моих родных, и до поединка мы разговаривали о наших семьях. Я сказал, что отец в первый раз берет меня в поход, а Гунхильд ответила, что надеялась, что ее брат, конунг Свейн, зайдет в Оденсе повидаться, но, похоже, этому не суждено сбыться.

Нас прервал Токе. Он уже стоял посреди поля и криками торопил Асгрима. Тот вышел навстречу, и было видно, что поединок со мной его нисколько не утомил. Они сошлись, и Токе сразу начал действовать так же, как и в бою с Кнутом: он не давал Асгриму отойти от себя, все время толкал его щитом и грудью. Асгрим достаточно уверенно отступал, но один раз оступился, и Токе нанес ему удар в правый бок.

Асгрим, однако, раскусил задумку Токе и стал теперь отступать не назад, а влево, отбивая удары меча Токе, и каждый раз угрожая оказаться у того за спиной. Теперь обмен ударами пошел медленнее, и Асгриму удалось обманными выпадами пару раз вывести Токе из равновесия. Затем Асгрим принял меч Токе на щит, присел и изобразил удар в левую ногу. Токе убрал ногу назад опустил щит, но Асгрим обратным движением задел его правую голень. Мы с Гунхильд и Кнутом радостно заорали. Теперь им полагалось снова разойтись и начать сначала, однако Токе так не думал. Он просто ударил присевшего Асгрима щитом в лицо.

Асгрим упал навзничь, и было видно, что у него сломан нос. Я сказал было, что удар Токе был против правил, однако Токе ответил, что в бою бы они не расходились, а удар Асгрима был всего лишь царапиной, которой тот надеялся отделаться от его удара щитом. Я оглянулся, ища поддержки, и увидел, Бранд и Кай не хотят спорить, а Кнут не решается возразить Токе. Асгрим прижимал руку к своему окровавленному носу и, когда Токе спросил, хочет ли он продолжить, то отрицательно покачал головой. Гунхильд смотрела на все это, слегка побледнев, но тоже не вымолвила ни слова.

Токе вложил меч в ножны и шагнул к ней.

– Ну а теперь самого храброго воина ждет награда, правда, Гунхильд, – непривычно сладким голосом произнес он.

– Не думаю, что это был честный удар! – с вызовом сказала ему его молодая мачеха.

– О честных ударах предоставь судить мужчинам, – ответил Токе и обвел нас всех взглядом. Я был единственным, кто не отвел глаза.

– Видишь, все согласны, что поединок прошел по правилам. – Токе взял Гунхильд за левое плечо и притянул к себе. – Теперь поцелуй меня, милая Гунхильд, и пойдем пировать дальше. Надеюсь, нам еще достанется свинина.

Гунхильд отшатнулась и попыталась вырваться, однако Токе держал ее теперь двумя руками и тянулся своими губами к ее лицу.

– Разве ты победил всех Токе? – Я сам не понял, как это у меня вырвалось. – Нам остался еще один поединок. Не торопись за наградой до того, как заслужил ее.

Токе отпустил Гунхильд и удивленный обернулся ко мне.

– Разве ты не сказал, что не хочешь драться, Сигурд? – зло спросил он.

– Да, сказал. – Мой голос был тверд, и я чувствовал нарастающую ярость. – Но ты не оставил мне другого выхода, поступая бесчестно.

– Ты ответишь за свои слова прямо сейчас. – Токе тоже разозлился. – Выходи на поле. Сейчас мы увидим, о ком из нас скажут, что он бежал от тупого меча.

Я одним прыжком перемахнул через веревку и уже ждал его с мечом и щитом в руках. Токе последовал за мной и напал без предупреждения. Однако я был готов. Как учил меня Синий Змей, я превратил свою ярость в силу, не давая ей подчинить меня. Ум мой стал холодным, как лед, а руки сами отбивали удары. Тут Токе решил применить свой любимый прием: он бросился на меня, сильно ударив своим щитом в мой. Я был готов и, спружинив

на ногах, отскочил вправо, ударив его в левый бок. Здесь пригодилась моя ярость, потому как мне показалось, что я сломал ему ребро.

Токе взревел и принялся махать мечом направо и налево, как это делал Бранд в первом поединке. Я уклонялся и снова оказался у него сбоку, ударив в этот раз в правый бок. Ребер я не сломал, но Токе разом успокоился, и стал биться осторожнее. Теперь мне пришлось тяжело: его руки были длиннее, а сам он был сильнее меня. Я отходил, а Токе зажимал меня в углы, держась на расстоянии и не давая мне уходить в сторону. Так он коснулся моего правого предплечья, когда я не успел отдернуть руку после удара. А потом он резко присел, и почти достал меня в левую икру. Касания не было, но Токе закричал, что он дотронулся до меня, и что теперь мы с ним сквитались по ударам. Никто не стал спорить, и я тоже решил поберечь дыхание.

Теперь нам обоим оставалось нанести или пропустить только по одному удару, и мне приходилось быть вдвойне осторожным, потому что от Токе можно было ждать еще какого-нибудь подвоха. На мгновение мы остановились и он крикнул:

– Ты сломал мне ребро, ублюдок!

– Это тебе за нос Асгрима, который ты разбил против правил. – Я пользовался остановкой, чтобы отдышаться, и мне хотелось поговорить подольше.

– Все было по правилам! – крикнул Токе. – Мы ударили одновременно, но мой удар был сильнее!

– Да? – спросил я, – смог бы ты ударить щитом, стоя на одной ноге?

– Сейчас ты поймешь, что разбитый нос – ничто, по сравнению с тем, что ждет тебя.

Токе медленно шагнул вперед, замахиваясь справа над головой. Я отступил на шаг влево и Токе перенес вес на правую ногу, чтобы достать меня. Когда его меч с силой пошел вниз, я быстро шагнул назад вправо, уворачиваясь от удара. Его меч прошел мимо, а я потом сделал так, как когда-то учил меня отец: широким движением я ударил Токе щитом по руке, опускающей меч, и толкнул его в сторону. Токе потерял равновесие и повернулся левым боком ко мне. Я вложил всю оставшуюся ярость в удар плоской стороной меча ему по затылку. Токе упал и не поднимался. Раздались крики, а я перелез через веревку и подошел к Асгриму. И тут случилось невероятное: ко мне подошла Гунхильд и поцеловала в губы. А потом, улыбнувшись, сказала:

– Ты достоин быть победителем, Сигурд. Я не забуду, как ты бился за меня.

Она развернулась и пошла в сторону усадьбы. Я смотрел ей вслед, пока Бранд и Кай лезли через веревку, чтобы посмотреть, сильно ли ранен Токе.

Асgrim встал и, зажимая разбитый нос, сказал, гнуся:

– Я даже не знаю, что теперь будет. Но знаю одно: ты нажил себе смертельного врага на всю жизнь. И из шутки превратил все в ссору, за которой наступает кровная месть. Но я благодарен тебе, что ты так поступил. И виню себя, что втянул тебя во все это.

Я отмахнулся:

– Токе и раньше меня не особо любил, так что я ничего не потерял. Зато теперь я наверняка останусь на корабле отца.

В это время Бранд и Кай подняли Токе. Тот еще не совсем пришел в себя после удара по затылку, но уже двинулся ко мне. Наткнувшись на веревку, он крикнул:

– Ты заплатишь виру за это! Или получишь десять ударов кнутом за то, что ударил сына ярла!

Странно, но я был совершенно спокоен. И у меня нашлись слова для ответа даже без помощи Асгрима:

– У нас был честный поединок, и ты сам произнес его правила. Я не отошел от них ни на волосок. Если теперь ты меня в чем-то обвинишь, то твое обвинение обратится против тебя самого. Нужно уметь проигрывать, Токе сын Паллига.

Но Токе делал так, как привык. Он сквозь зубы сказал:

– Ты ударил меня, когда поединок остановился. Это все докажут!

Токе посмотрел на Бранда, Кая и Кнута, и первые двое опустили глаза, а Кнут ответил:

– Я видел, что Сигурд бился честно.

Токе посмотрел на Асгрима, тот улыбнулся и сказал:

– В отличие от тебя, Токе, Сигурд бился честно. И если ты его обвинишь, у тебя будут два свидетеля. И нас с Кнутом – тоже двое. При равном количестве свидетелей Сигурда провозгласят невиновным.

Токе оскалился и шагнул к Кнуту, однако с востока послышался стук копыт, и скоро на дороге мы увидели всадника. Я не мог не узнать его – это был мой старший брат Бьёрн.

Глава 3

Бьёрн скакал во весь опор, прижимаясь к шее пегой кобылы, на которой обычно ездил отец. Заметив нас рядом с дорогой, он еще издали крикнул:

– Где ярл Паллиг?!

– Он пирует в своих палатах с воинами, – ответил я и вышел вперед, чтобы Бьёрн мог увидеть меня из-за спин Асгрима и Кнута.

– Синий Змей тоже там? – Заметив меня, Бьёрн резко остановил коня.

– Да, он там вместе с Рагнаром и всеми нашими. Что...

Бьёрн снова ударил коня пятками и крикнул, уносясь прочь:

– Беги за оружием! На нас напали свеи!

Этот миг мне не забыть никогда. Я стоял растерянный и глядел вслед удаляющемуся Бьёрну. Еще мгновение назад я чувствовал себя победителем и был уверен, что мою удачу никто не отнимет. А теперь я вдруг снова оказался в большом мире, где правили могучие конунги и где моя победа над Токе не стоила и ломаного серебряного звена из тонкой цепи.

Но привычка взяла свое. Прозвучал клич к оружию, и я бросился к нашему кораблю за мечом и кольчугой. Не успел я добежать и рассказать людям, сторожившим наше добро, что на нашу усадьбу напали, как из палат ярла раздались крики и к кораблям толпой хлынули воины. И первым из них был Эстейн Синий Змей.

Он велел всем нашим людям с оружием и щитами построиться возле корабля. Пересчитав нас, он дал знак, и мы отправились к конюшням ярла. Оттуда уже выводили лошадей. На всех их не хватило, но три дюжины воинов сели верхом. И тут же Эстейн прокричал:

– Свеи напали на усадьбу Харальда Бьёрнсона! Ярл дал нам лошадей, и мы поскачем вперед. Остальные тронутся пешком, и ярл сам поведет их! Поторопитесь, а то мы вам не оставим ни одного живого свея!

Он ударил коня пятками и поскакал по дороге на северо-восток. С ним отправились те, кому достались лошади. В том числе и мы с Рагнаром: подо мной был старый гнедой жеребец с раздувшимися, как при водянке, боками, а под Рагнаром – невысокая серая кобыла, на которой он почти доставал ногами до земли. Но тогда мы не променяли бы наших скакунов и на сто марок серебра – даже на наших клячах мы могли быть дома быстрее, чем просто бегом.

Бьёрн почти загнал лошадь, хотя до Оденсе от нашей усадьбы было всего-то миль восемь, так он мчался. И теперь он остался у ярла Паллига, чтобы дать отцовской кобыле немного отдохнуть, но обещал нагнать нас в середине пути. Так что мы по-прежнему не знали никаких подробностей того, что случилось. Казалось, только Эстейн знает все и ведет нас к верной победе.

Мы скакали по перешейку между двумя заливами: слева от нас был залив Оденсе, справа – сначала залив Кертинге, а потом узкая протока, соединяющая его с морем. Перед самым устьем протока расширялась и образовывала почти круглый залив в полпоприща¹⁷ в поперечнике. На его северном берегу стояла наша усадьба. Вокруг нее были раскиданы поля, на которых росли редкие деревья, так что подобраться к усадьбе незамеченными можно было только по узкой полосе земли между водой и подмытым весенними разливами берегом. И то только до мыса, где берега начинали расходиться.

Солнце уже склонялось к юго-западу, когда мы свернули с дороги на юго-восток, к берегу протоки. Здесь наши лошади пошли медленнее, потому как копыта вязли во влаж-

¹⁷ Поприще – мера длины, около 185 метров.

ном песке. Еще через поприще мы добрались до мыса, и Эстейн велел нам остановиться, чтобы нас не заметили из нашей усадьбы. Тут нас и нагнал Бьёрн.

Эстейн взял его с собой, и они поднялись наверх, на невысокий берег, который едва скрывал нас от взглядов со стороны усадьбы. Мы с Рагнаром увязались за ними. Лежа на земле, чтобы нас не заметили, мы рассматривали наш родной дом и видели два корабля, что стояли у берега со стороны моря в полупоприще от него. Еще мы видели вооруженных свеев, что тащили из усадьбы на корабли наши мешки и сундуки. Видели и несколько лежащих у ограды усадьбы тел мужчин и женщин, но не могли разглядеть, кто это был. Эстейн посмотрел на Бьёрна, и тот начал рассказывать:

– Я был у лодок, когда прозвучал рог со сторожевой вышки...

Много лет назад эту вышку поставил отец у самого устья протоки, соединяющей наш залив с морем. И сколько я себя помню, там всегда стояла стража, чтобы подать знак, когда приближались боевые корабли.

– Отец сел на серую кобылу и поскакал туда, а мы все побежали за оружием. Отца долго не было, но к нам прибежал Торкель, стражник с вышки, и сказал, что к берегу подходят два драккара на двадцать и на восемнадцать пар весел с лошадиными головами на носах. А вдалеке видны еще корабли.

Лошадиные головы означали, что корабли принадлежали свеям. Мы на свои корабли ставили головы драконов. У дружественных берегов головы снимали, чтобы не пугать охраняющих землю духов-защитников.

– Потом прискакал и отец, – продолжал Бьёрн. – Он крикнул, что узнал свеев, и велел всем женщинам и детям бежать по дороге в сторону Оденсе, бросив весь скарб. Затем он приказал закрыть ворота, а всем мужчинам собраться за ними.

Бьёрн сглотнул.

– Но перед этим он подозвал меня, отдал мне свою кобылу и велел скакать в Оденсе во весь опор и привести помощь. – На глазах Бьёрна показались слезы. – Видно, я опоздал...

– Я видел бока твоей кобылы, – ответил Эстейн. – Даже сам Слейпнир¹⁸ не скакал бы быстрее. Но два корабля – это под сотню воинов, и с нашими тремя дюжинами нам их не одолеть. Конечно, кто-то из них мог погнаться за женщинами, кто-то остаться на кораблях, однако тут все побережье, как на ладони, и мы не сможем подобраться к ним незаметно.

– Все равно надо ударить с теми людьми, что есть, – Рагнар влез в разговор. – Если мы построимся клином и бросимся вперед, они не успеют собраться...

– Их в три раза больше, и они повсюду. Нас окружают, не успеешь ты сосчитать до десяти дюжин. – Эстейн покачал головой.

– Тогда надо подскать к ним верхом и рубить, пока они не построили стену щитов. – Бьёрн, мне казалось, дал самый правильный совет.

– Ярл Паллиг отдал нам всех лошадей, что у него были, но только половина из них сгодится для битвы. Пойдет ли твоя серая на воина, машущего мечом? – Эстейн снова покачал головой.

– Раз мы уже здесь, мы не можем просто сидеть и смотреть, как наших женщин угощают в плен, а наше добро грабят. – Я начинал злиться. – У нас есть дюжина лучников и полторы дюжины ученных бою лошадей. Мы должны напасть всадниками и отойти, а лучники прикроют наш отход.

В этот раз Синий Змей покачал головой одобрительно:

– Ты правильно задумал, Сигурд, но есть мысль еще лучше. – Он показал на две рыбацких лодки, вытасенные на берег в двух полетах стрелы от нас.

¹⁸ Слейпнир – восьминогий конь Одина.

Не зря Эстейн выбрал своим знаком змея – символ мудрости. Хитер, как Локи, – так еще говорили о нем. И нам повезло, что в тот день он был с нами, а не остался в усадьбе вместе с отцом, как Маленький Аке. Потому что иначе, в плену у своей ярости, мы не дожили бы до вечера.

Но Эстейн был тут, поэтому лучники, среди которых был и я, сели в лодки, положили мечи и луки под скамьи, прикрыли блеск кольчуг плащами, сняли все браслеты и кольца и превратились в рыбаков, плывущих из глубины залива и не подозревающих о нападении на усадьбу Харальда Бьёрнсона. А Эстейн отобрал самых хороших лошадей, посадил на них лучших воинов, включая Бьёрна и Рагнара, и отправил их кружным путем на дорогу, ведущую из Оденсе в нашу усадьбу.

Так, изображая рыбаков, мы вошли в наш небольшой залив и повернули к усадьбе, как бы пытаясь рассмотреть, что происходит. От берега до ограды усадьбы было полтора полета стрелы, и когда нас заметили, то к лодочным сараям чтобы встретить нас отправилось две дюжины свеев.

Едва до берега осталось десять сажень, Торир Рыжий, которого Эстейн назначил старшим в нашем отряде, крикнул свеям, стоящим на песке, даже не обнажив мечи:

– Кто вы? И что делаете в усадьбе Харальда Бьёрнсона?

Ему ответил высокий воин с длинными льняными волосами заплетенными в четыре косы.

– Мы люди конунга Свейна Вилобородого. Харальд сын Бьёрна задолжал ему, и теперь мы получаем долг.

– Что-то речь твоя звучит не так, как говорят в наших краях, – крикнул с лодки Торир. – Уж не из гётов ли ты?

– Это ты угадал, рыбак, – ответил воин с косами. – Нас отправил на службу вашему конунгу Свейну наш конунг Эйрик Победоносный. Может, ты слышал о таком?

Мы все уже догадались, что свей хочет заманить нас в ловушку. Видано ли было, чтобы наш конунг позвал на помощь свеев? Все знали, что после того, как Стирбьёрн¹⁹ повел с собой в Упсалу многих наших людей, конунг свеев пообещал отомстить и нам, данам.

– Слышал я об Эйрике Шведском, но что-то не слышал, чтобы наш конунг Свейн звал его людей себе на службу. – Торир задавал все новые вопросы, и видно было, что воин с косами начинает терять терпение.

– Конунг Свейн задолжал конунгу Эйрику, и теперь мы собираем долги в его земле. – Все-таки свей хотел нас успокоить. – А коли, рыбак, ты такой любопытный, то приставай к берегу, пойдем вместе к нашему хёвдингу и он тебе расскажет, что к чему.

В это время откуда-то издалека донесся звук рога.

– Хотел бы я увидеть твоего хёвдинга, – сказал Торир, – но не сейчас. А пока вот передай ему от нас весточку...

Торир подал знак, мы схватили луки, лежащие на дне лодок и одну за одной выпустили несколько дюжин стрел. Я стоял в раскачивающейся лодке и вспоминал, как Эстейн учил нас стрелять с качелей и со скачущего коня, как делают патцинаки. Теперь эта наука пригодилась. Свей стояли так близко к нам, что не успевали убежать. Не могли они и полностью закрыться щитами, даже присев. Я не успел сосчитать и до трех дюжин, а на берегу лежало уже семеро убитых, орали от боли восемь раненых, а остальные, сомкнув щиты, медленно отходили к усадьбе. Воин с косами был среди невредимых, хотя я пускал в него стрелы,

¹⁹ Стирбьёрн – племянник шведского короля Эйрика Победоносного. Отца Стирбьёрна король Эйрик отправил на пиру, а его самого с 60 кораблями изгнал из страны. Стирбьёрн долго служил королю Дании Харальду Синезубому, а потом попытался вернуть себе шведский престол, но был убит в битве на полях Фюри.

и не я один. Он громко звал на помощь, и от усадьбы уже бежали к берегу воины, и летели первые стрелы, пока еще не достающие до нас.

Торир велел медленно отходить от берега, и мы развернули носы лодок на юг. Свее из усадьбы подбежали к своим на берегу, и стена щитов начала становиться шире. По нам стреляли, хотя и издали, и мы положили луки и сели на дно лодок, закрывая щитами головы. Тут со стороны усадьбы снова раздались крики, я выглянул из-под щита и увидел, что по дороге из Оденсе скачут всадники, а от них убегает с полтора десятка свеев. Это ударил Эстейн со своим отрядом.

Наши враги на берегу начали крутить головами, и мы снова выпустили в них несколько стрел. Наконец, воин с косами отдал приказ, и свее, сохраняя строй и подобрав раненых, начали отходить в сторону своих кораблей. В это время всадники Эстейна прискакали к усадьбе и напали на тех, кто замешкался, пытаясь спасти награбленное добро. Я видел, как двое свеев упали на землю, а на них сверху свалилась раненая лошадь.

К отступающим свеем присоединялись новые воины, и вскоре уже дюжин пять стояли в двух полетах стрелы от нас, ошестинившись копьями. Очень скоро они должны были понять, как мало людей привел с собой Эстейн, и перейти в наступление. Однако Синий Змей не стал ждать, пока свее сообразят, что у них четыре воина на одного нашего. От отдал приказ, и его люди повернули лошадей и отошли на два полета стрелы по дороге на Оденсе.

Два отряда стояли друг напротив друга, и никто не решался ударить первым. У Эстейна просто не было достаточно людей, чтобы прорвать стену щитов. А свее потеряли неожиданно много людей в стычке за такую жалкую цель, как усадьба простого бонда. И они не знали наверняка, не прячет ли Эстейн еще воинов, заманивая их в засаду. Поначалу свее выкрикивали оскорбления, вызывая людей Эстейна на бой, но те не отвечали. Наконец, над дорогой со стороны Оденсе поднялись клубы пыли, и свее решили, что им незачем ждать, пока к нам подойдет подмога. Прозвучал приказ, и они, не ломая строй, отошли к своим кораблям.

Как только свее сделали первые шаги, отступая, я посмотрел на Рыжего Торира. Тот понял мой взгляд и велел подходить к берегу. Лодки еще не успели коснуться дна, когда я прыгнул с борта на мокрый песок, где лежали убитые враги, и побежал к усадьбе.

Я пробежал мимо открытых ворот и увидел, что они не разбиты. Вокруг лежало с полдюжины убитых свеев и четверо наших людей. Отца среди них не было, но я сразу же узнал истыканное копьями безголовое тело. Таких здоровяков не было больше в нашей округе – это был Маленький Аке. Это означало, что и отец бился здесь же. Я бросился внутрь ограды.

Я нашел отца привязанным за руки к балке под потолком кузницы, так что его ноги едва касались земли. Он был без сознания, но еще дышал, хотя я сразу увидел, что он ранен в живот – рану кто-то перевязал клочьями его собственной рубахи, и ткань уже насквозь пропиталась кровью. На его голой груди я увидел яркие линии ожогов. Рядом из пылающей печи торчали кузнечные клещи.

Я подхватил отца сзади под мышками, стараясь не коснуться ожогов и раны, и обрезал веревку. Он навалился на меня, и я едва выдержал его вес, но все же сумел осторожно положить его на землю. Отец застонал и открыл глаза:

– Сигурд, – прошептал он, – где твоя мать и сестры?

– Я не знаю, – пробормотал я, но потом понял, что такой ответ вряд ли ему понравится. – Здесь их не было. Свее отступают на корабли. Они не успели обыскать округу. Наверное, мать с Гюдой и Асой убежали и прячутся где-то. – Я говорил скороговоркой, думая его успокоить. – Сейчас ярл Паллиг подойдет сюда со всей дружиной, мы пройдем по полям и всех соберем.

Я хотел бы, чтобы это было правдой, но, судя по всему, у свеев было достаточно времени, чтобы обыскать всю нашу усадьбу и еще пытаться отца. Так что убегаящих по дороге

женщин и детей они тоже могли догнать. Особенно если помнить, что в нашей усадьбе было много совсем маленьких детей, которые не могли бегать быстро.

Отец, запинаясь, начал говорить:

– Я увидел... Они идут сюда... Приказал всем бежать... Свее слишком близко... Слишком много... Ограду не удержать... Мы встали в воротах, чтобы отвлечь...

Тут я понял, почему ворота были открыты: отец понял, что впятером им не удержать всю ограду и, значит, надо было обороняться в доме. Но тогда свее разошлись бы по округе и переловили всех, кто пытался сбежать. Поэтому отец растворил ворота и отвлек внимание от наших домашних.

Отец продолжал свой отрывистый рассказ:

– Не могли пройти сквозь нас... Аке свалил троих... Я – одного... Много ранили... Обошли сзади...

Видно, бой в воротах был жарким, раз сотня свеев не смогла пройти мимо пяти человек. Но они обошли их. Тут я вспомнил истыканную копьями спину Аке. Как только враг оказался сзади, все было кончено.

Я смотрел на отца и понимал, что и он скоро отправится в Валхаллу²⁰ вслед за своими людьми. Я старался держаться, но слезы все равно текли по моему лицу.

В это время послышались голоса, и я узнал Бьёрна. Я крикнул ему, чтобы он шел в кузницу. И через несколько мгновений они с Рагнармом были здесь. Бьёрн наклонился к отцу, и тот провел рукой по его лицу.

– Искали... Золото... – Отец снова начал говорить. – Заставил копать по всему двору...

На лице отца появилось подобие улыбки, грустной, но торжествующей, ведь он старался не показать, как ему больно.

– Наклонись... – Он потянул Бьёрна к себе и шепнул ему что-то на ухо.

Вот так! Бьёрн – старший сын. Отец послал его за помощью, хотя мог послать любого другого. И поэтому Бьёрн жив и невредим. И теперь он станет хозяином усадьбы. И первое, что ему надо знать, – где отец хранит свое серебро и золото, о котором не рассказывал свеем, хотя они его пытались! А Бьёрн, судя по его чистому мечу, даже не успел зарубить ни одного свее!

Теперь отец оттолкнул Бьёрна и посмотрел на нас всех:

– Найдите Хельгу и девочек... Надо, заплатите выкуп... Не ссорьтесь... Держитесь друг друга...

С улицы послышались крики и плач. Я выглянул из дверей кузницы, и увидел, что в усадьбу входит Синий Змей с воинами, а с ними идут вопящие женщины и дети. И первой шла моя мать Хельга, прижимая к себе Гюду и Асу, моих маленьких сестер. Она не плакала. И я понял, что отец умирает не зря.

Я позвал их, и мать бегом бросилась ко мне. Она потрепала меня по волосам и вошла в кузницу. Почти сразу она вышла и приказала воинам перенести отца в дом. Я подошел к Эстейну:

– Отцу пришлось драться в воротах, чтобы отвлечь свеев от женщин и детей.

– Харальд не боялся смерти. – Голос Эстейна был суров. – Он боялся только за свою семью.

– Он ранен в живот. Я боюсь, он умирает...

– Умереть в бою, защитив свою семью и свой дом – великая честь для воина! В Валхалле он будет пировать, сидя на почетной скамье, – был ответ.

²⁰ Валхалла (Вальгалла) – в германо-скандинавской мифологии «чертог убитых» – находящийся на небе замок, принадлежащий Одину, жилище павших в бою храбрых воинов, которые там пируют, пьют неиссякающее медовое молоко и едят неиссякающее мясо вепря. В замке павшим воинам и Одину прислуживают девы-воительницы – валькирии.

Я смотрел на лица воинов, на женщин, причитающих над убитыми, на плачущих детей, на раскрытые двери конюшни и амбаров. Многие бы сказали, что удача была с нами. Если бы свеи пришли на три дня позже, то все наши мужчины уже ушли бы в поход, а в усадьбе остались бы только несколько воинов во главе с Бьёрном. И кто знает, хватило бы у Бьёрна духу поступить так же, как отец? Или он так же ускакал бы, чтобы привести оставленное ярлом на страже в Оденсе войско? Но боги благоволили нам: свеи не сумели захватить наших женщин, они не успели поджечь усадьбу. И только мой отец умирал.

Когда его перенесли в дом, отец подозвал нас с Бьёрном и Рагнаром еще раз. Он шептал, но его шепот стал громче, так важно было ему то, что он должен сказать, и он напрягал последние силы:

– Бьёрн получает усадьбу, серебро и золото. Он волен поделиться с вами добром, но сам решит, кому и сколько дать. Тебе, Рагнар, и тебе, Сигурд, я оставляю два хутора и корабль. Каждый из вас может взять по хутору и разделить корабль пополам. Кто-то может захотеть взять только хутора, тогда корабль достанется другому. Но первое слово в споре принадлежит Рагнару. Бьёрну корабль не нужен, ему хватит забот об усадьбе. А если он захочет пойти в поход, то волен купить себе другой. Живите в мире друг с другом и помните, что вы братья. Тогда мне весело будет пировать в палатах у Одина.

Мы подошли к его ложу и опустились на колени. Отец потрепал каждого из нас по голове и велел позвать мать. Она ждала за порогом и сразу вошла. Отец сделал знак, и мы вышли.

Он отправился в Валхаллу в тот же вечер. В руке он сжимал рукоять своего меча, Кормильца Воронов. А следующим вечером мы положили его тело в лодку, наполненную сухим тростником, и отвели ее на половину полета стрелы от берега в открытое море. Бьёрн взял в руки лук и пустил горящую стрелу.

Стрела упала в лодку и зажала тростник – не зря мой брат упражнялся все утро, пока шла тризна. По моему лицу текли слезы. Но я прощался не только с отцом, я прощался со своей прошлой жизнью, со смешными теперь страхами и заботами. И еще я прощался с нашей усадьбой. Я понял, что не хочу жить в ней, когда мой брат стал здесь хозяином. И наследником нашего отца, который выдержал пытку, но сохранил для Бьёрна серебро и золото.

Я выпил много пива и заснул прямо на берегу.

Глава 4

Наутро ко мне пришел Рагнар. И я знал, зачем: отец был вчера щедр к своим младшим сыновьям и дал нам выбор. Теперь мы могли вместе отправиться в поход на его корабле, а могли и остаться дома, если не хотели играть с судьбой. Да, конечно, с наследством Бьёрна наше не равнялось, но позволяло не слишком заботиться о том, как пережить следующую зиму. На обоих хуторах было довольно земли, чтобы прокормить хозяина и семьи работников, и достаточно овец, чтобы пару раз в неделю есть мясо. Но я не думал о хуторах, я мечтал о корабле. И я знал, что Рагнар мечтает о том же. Он присел на песок рядом со мной.

— Отец был щедр к нам, — начал он. — Он дал каждому достаточно добра, чтобы не бедствовать. Но и не столько, чтобы чувствовать себя богачом, как Бьёрн.

— Да, Бьёрн станет таким же богатым, как отец, если сможет поправить хозяйство после свеев, — согласился я. — А, может, еще богаче, ведь он у нас такой рассудительный...

— Но речь не о нем, ведь отец уже решил за нас. Речь о тебе, брат. — Рагнар начинал переходить к сути. — Один хутор — этого мало, чтобы иметь хлеб и мясо на продажу. Едва-едва хватит самому. Но с двух хуторов уже можно получить какой-никакой излишек, а значит начать копить серебро.

— Да, — я мечтательно улыбнулся, — многие скажут, два хутора — не один. Можно уже осенью продать немало стоунов ячменя и получить пару марок серебра.

— Совсем не то, что корабль, особенно, когда идет война с самим Эйриком Победоносным. — Рагнар нахмурился, чтобы показать, как его тревожат предстоящие битвы.

— Да, — снова согласился я, — немногие отважились бы бросить вызов Эйрику. Вон Стирбьёрн — уж на что был могучим воином, и йомсвикинги с ним были, и люди конунга Харальда, а все одно в Упсале над ним даже курган не насыпали.

— Нужно быть поистине могучим воином, чтобы отважиться променять хутора на корабль. — Рагнар положил руку мне на плечо. — Но я позабочусь о своем младшем братишке. Я готов отдать тебе оба хутора, если ты не потребуешь свою половину корабля.

— А как же ты сам? — Я старался не рассмеяться. — Неужто ты готов бросить родные места и уйти куда глаза глядят с одним кораблем?

— Многие бы сказали, что такой выбор не для того, кто хочет прослыть мудрецом. — Рагнар задумчиво смотрел в море. — Но семья для меня важнее еввоей собственного благополучия. И если я буду знать, что твоя судьба устроена, то не беда, если мне выпадет нелегкая доля безземельного викинга. Так что я готов отдать тебе свой хутор, а себе взять корабль.

— Не хотел бы я, чтоб люди сказали, что нет храбрости в моем сердце, — начал я. — Да и надлежит мне испытать судьбу младшего сына, не перекладывая ее на плечи братьев, даже если они добры ко мне. Всегда я мечтал, как стану морским хёвдингом и поведу корабли на запад. Потому и не вникал особо в дела усадьбы. Вот вы с Бьёрном — другое дело. Вам хозяйствовать на хуторе — дело привычное. Вот и сам ты говорил, что с двух хуторов уж точно начнешь копить серебро. Не хотел бы я стать на пути твоего богатства. Не приведет это к добру. Потому готов я отдать свой хутор тебе и самому испытать милость богов в далеких землях.

Рагнар явно такого не ожидал:

— Подумал ли ты, готов ли уже к походам? Не лучше ли в таком деле уступить тому, кто старше и сильнее?

— Многие бы сказали, что не последний я в воинском ученье. Да и стрелой попасть в свей мне уже доводилось. Потому, брат, забирай мой хутор, а уж я так и быть, возьму твою ненужную половину корабля.

Рагнар посмотрел мне в лицо и увидел, что я готов рассмеяться. Он начал злиться.

– Не дело отвергать дар, который предложен от чистого сердца, брат! – сказал он, медленно произнося каждое слово.

– Не дело, если дар от чистого сердца. – Я начал подниматься. – Не стоит ссориться сейчас, мы оба знаем, чего хотим. Потому отец так и решил. Давай лучше думать, где нанять команду на наш общий корабль.

– Ну, об этом я уже подумал. – Рагнар удержал меня на месте. – Здесь-то у меня опыта побольше, чем у тебя. Тут ведь главное – как поделить добычу. Если ты щедр, то и люди к тебе идут. Отец получал треть всей добычи, ведь корабль был его. По одной двенадцатой получали Эстейн как второй предводитель и Кетиль Борода как кормщик. И половина делилась поровну между остальной командой.

– Про то, как было заведено при отце, я знаю. А что ты предлагаешь сейчас?

– А теперь мы разделим треть отца на двоих и откажемся от своей доли в доле команды, хотя раньше она нам причиталась. Ее можно предложить Эстейну с Кетилем. – Рагнар, похоже, все уже давно сосчитал.

Я не думал, что мы и вдвоем сможем заменить отца. Но спорить с Рагнаром после того, как я отказался отдать ему свою долю в корабле, мне не хотелось. Поэтому я ответил так:

– Что ж, Рагнар, не зря видно отец называл тебя старшим над нами обоими. И если тебе удастся договориться с Эстейном и Кетилем так, как ты только что сказал, то признаю я, что из нас двоих во всем тебе принадлежит первое слово.

Рагнар рассмеялся:

– Еще до полудня ты увидишь, как команда приносит нам клятву.

И с этими словами он встал и пошел к усадьбе.

Он нашел меня раньше, чем наступил полдень. И лицо его было мрачно. Но он старался казаться веселым.

– Знаешь, когда мы говорили утром, я не все учел. – Он вздохнул, но продолжал улыбаться. – Ведь доля отца была не просто долей за корабль, а еще и долей хёвдинга. А мы с тобой пока не хёвдинги. И Эстейн сказал, что он готов быть хёвдингом, пока у нас мало опыта, но мы должны будем заплатить ему за это и за науку. И Кетиль сказал так же.

– Но корабль-то все равно наш, – ответил я. – Во сколько вы оценили долю за него?

– Ну, корабль по нынешним временам многого не стоит. Эстейн мне объяснил, что война со свейми – совсем не то, что поход на запад. Здесь, если нам будет удача, то мы возьмем много вражьих кораблей, и они будут стоить дешево. А коли нам не повезет, то и свои корабли трудно будет сохранить. Потому сейчас у всех хёвдингов больше ценятся воины, чем корабли.

Я уже понял, к чему идет дело, но не расстроился. Эстейна я сейчас ценил больше, чем серебро.

– И сколько же выпадет на нашу долю, когда мы станем делить добычу? – спросил я.

– Я торговался, как мог. И сначала Эстейн говорил, что нам достаточно одной двенадцатой на двоих. А учить они нас будут бесплатно. – Рагнар начал говорить торопливо, словно боясь, что я посмеюсь над ним. – Но я сторговался на равные доли для нас всех.

Я начал считать: половина всей добычи приходится на нас четверых. Другая половина делится между всей командой. Потому на каждого из четверых должна прийти четверть от половины.

– То есть каждый из нас получит одну восьмую? – спросил я. – Это справедливо.

– Не совсем так, – ответил Рагнар и снова помрачнел. – Я имел в виду, что равная доля будет у Эстейна, Кетили и у нас двоих вместе. То есть на нас придется по одной двенадцатой, а Кетиль с Эстейном получают по одной шестой. – Тут он снова изобразил улыбку. – И все

решения мы будем принимать вчетвером. А когда Кетиль с Эстейном не будет на корабле, то приказы будем отдавать мы. Ты согласен теперь принести клятву вместе со всеми?

Еще позавчера моя доля составила бы одну сороковую от половины, как у простого воина. Теперь моей могла быть одна двенадцатая. Так что жалеть мне было не о чем. Однако, как учил нас отец, в любой торговле нельзя показывать, что ты всем доволен, заключив сделку. И я решил слегка проучить брата за самоуверенность.

– Не сказал бы, что ты заключил ряд так, как собирался утром. – Теперь я говорил медленно, чтобы показать, как я недоволен. – И многие сказали бы, что ты продешевил. Но теперь поздно идти к Эстейну, ведь он знает, что ты старший и ты согласен. Потому я дам клятву вместе со всеми. Но не думай, что я всегда буду идти за тобой, как овца за пастухом.

И я принес клятву. А потом мы попрощались с матерью, сестрами и Бьёрном. И Бьёрн сказал, что из отцовского наследства он даст нам по десять марок серебра, когда мы вернемся из похода. И такова его добрая воля. Подарок не слишком щедрый, но по сравнению с тем, что выторговал для нас Рагнар, это казалось даром богов.

А потом мы с Рагнаром, Эстейном и остальными отправились в Оденсе к нашему кораблю. В начале пути Рагнар часто оглядывался назад. Мне же хватало того, что я видел впереди.

Не успели мы прийти в Оденсе, как ярл созвал вождей на совет. От каждого корабля должны были прийти хёвдинг и кормщик. По поводу кормщика споров не было – должен был идти Кетиль Борода. Но когда Эстейн сказал что к ярлу пойдет он, то Рагнар зло спросил его, не рано ли он начал решать все за нас, поход ведь не начался. На это Эстейн спокойно ответил, что мы стали одной командой с того мига, как поклялись в том перед богами. И если Рагнар хочет что-то изменить, то он должен обратиться ко всей команде. Мой брат сказал, что он так и сделает, но я, посмотрев на лица наших воинов, удержал его за плечо.

– Рагнар, – прошептал я ему на ухо, – как ты думаешь, за кого будут люди? За Эстейна, который водил их в дюжину битв, или за тебя, кто был простым гребцом и то только в одном походе?

– Я сын своего отца! И во мне течет кровь хёвдинга! – Рагнар скинул мою руку со своего плеча.

– Так говорит и Токе сын Паллига, – ответил я тихо.

Мой ответ его образумил, и он кивнул Эстейну:

– Прости мою вспыльчивость Эстейн. Это тебе пристало идти, как сговорились мы сегодня. Просто нелегко мне привыкнуть называть хёвдингом кого-то, кроме моего отца.

Эстейн ответил так:

– Вспыльчивость не часто доводит до добра. И хорошо, когда мы можем справиться с ней. Потому что в бою она может стоить жизни.

И с этими словами он ушел. А Рагнар сказал мне:

– Пусть боги даруют нам случай, мы покажем, чего стоят сыновья Харальда!

С тех пор меж Рагнаром и Эстейном не было согласия. И что бы Эстейн ни приказывал, Рагнар ворчал, что у него есть путь и получше, как достичь того же. Эстейн ничего не говорил на это, пока Рагнар делал, что велено, но я ждал, что рано или поздно это кончится схваткой.

В тот вечер Кетиль и Эстейн вернулись и принесли тревожные вести. К ярлу Паллигу прибыли посланцы от конунга Свейна Вилобородого. Выходило, что конунг Эйрик Шведский застал нашего конунга врасплох. Вилобородый в Еллинге собирал войско для похода на запад, но еще не все ярлы прислали ему свои драккары. И у него было всего четыре дюжины кораблей против восьми дюжин у свеев. Выйдя в море и увидев, что его окружают, Вилобородый поступил со своей всегдашней мудростью — бросил с дюжину самых мед-

ленных кораблей, а сам ушел с остальными в Йомсборг²¹. С десяток лет назад там же укрывался и его отец Харальд Синезубый, когда на него напал сам Свейн. Теперь наш конунг приказывал всем собираться в устье Одера, чтобы вместе с йомсвикингами выступить против свеев в середине лета.

На это ярл Паллиг ответил посланцам Вилобородого, что, безусловно, давал клятву служить своему конунгу и потому присоединится к нему после праздника Середины лета. Но, как он слышал, корабли конунга Эйрика разошлись грабить побережье, и за два дня до того два драккара разорили усадьбу знатного бонда в половине дневного перехода от Оденсе. И Паллиг как ярл острова Фюн, не может просто так дать одиночным кораблям грабить свои владения. Потому он останется в своих краях и будет сражаться с небольшими отрядами грабителей, пока свеи снова не соберут свою силу в кулак. Тогда он отступит на восток к конунгу Свейну.

Посланцам слова ярла не очень понравились, однако они и сами не могли, сохраняя достоинство, ответить, зачем для сбора кораблей конунг выбрал такое отдаленное от основных своих владений место. И, чтобы избежать споров об истинной причине такого выбора, посланцы не стали слишком настаивать на немедленном приходе кораблей с Фюна и согласились дожидаться дня летнего солнцестояния. На том совет и порешил.

Дальше Эстейн рассказал, что ярл решил разделить корабли на три отряда по четыре корабля в каждом. Сам он будет охранять берег на юге и западе, Эстейну он отдает восток, а север пусть стережет Торвальд Ржавый Шлем. И еще ярл сказал, что его сын со своим кораблем будет в отряде Эстейна.

Последней новости я обрадовался, ведь это значило, что и Асгрим будет где-то рядом. А ради этого я был даже готов терпеть Токе. Единственное, чего я не знал – это как Токе встретит меня после нашего поединка. Для меня тот поединок был уже в далеком прошлом: с тех пор я успел пронзить стрелой своего первого врага, предать огню тело отца и выйти в поход на собственном корабле. Но для Токе прошло только два дня, и вряд ли синяк на его затылке успел зажить, а ребро срастись. Однако сын ярла, несмотря на тугую повязку, схватывающую грудь, держался дружелюбно, как будто поединка за усадьбой вовсе не было. И я подумал, что все, что случилось тогда, должно быть уже забыто. Как наивен я тогда был!

Следующим утром Эстейн не стал долго ждать, а приказал погрузить на наши корабли припасы и увел нас на восток. Рагнар спросил, не нашу ли усадьбу выбрал он для засады на одиночные корабли свеев. На это Эстейн начал свое уже не первое наставление:

– У конунга Эйрика около восьми дюжин кораблей, и сейчас, наверное, половина из них стоит в Еллинге, где Эйрик пирует в палатах Вилобородого, пьет его пиво и развлекается с его женщинами. Но другая половина, еще четыре дюжины драккаров, полных воинов, могут внезапно показаться на горизонте. Если мы в это время будем стоять в заливе у вашей усадьбы, то свеи легко запрут нам выход в море. Если их будет хотя бы полдюжины, нам придется сдаться. Поэтому для нас главное – сохранить свободу двигаться по морю.

Рагнар на это, как всегда, начал возражать:

– Разве мы не можем победить шесть драккаров с нашими четырьмя? Не назовут ли трусостью то, что мы сдадимся без боя?

Эстейн был терпелив:

– Четыре корабля могут победить шесть, если нападут на них внезапно. Вынырнув из-за острова или из тумана. Или если на четырех кораблях будут бывалые воины, а на шести – бонды, не отрывающиеся от плуга. Но выйти из нашего залива незаметно мы не успеем.

²¹ Йомсборг – крепость в устье Одера, основанная Харальдом Синезубым для контроля над торговлей со славянами. Крепость защищали йомсвикинги – боевое братство, со своим уставом и обычаями, похожее на рыцарский орден.

А в войске Эйрика столько же бывалых воинов, сколько и у нас. Даже больше, если учесть, сколько наших ушло со Стирбьёрном и не вернулось.

– И где же мы будем стоять? – фыркнул Рагнар, не согласный с такими рассуждениями.

– Вообще-то, хёвдинг не обязан отвечать простому воину на такой вопрос, – ответил Эстейн. – Но мы договорились, что будем обучать вас ремеслу вождей, и потому я отвечу: сначала мы пойдем к острову Ромсё. Там мы укроем наши корабли в западном заливе и будем следить за проливом Большой Бельт. Если увидим одиночные корабли – нападём на них. Увидим два-три корабля – нападём на них. Увидим четыре и больше – пропустим или уведём за собой туда, где нам смогут помочь ярл Паллиг или Торвальд Ржавый Шлем.

– Ты не станешь сражаться, даже если у нас будет равное количество кораблей? – с насмешкой в голосе спросил Рагнар.

– Нет, потому что для нас хуже потерять один корабль, чем для свеев два. Ведь у них их и так больше. Если мы пойдем к конунгу Свейну, нам понадобится каждый, даже самый маленький драккар.

Рагнар развернулся и ушел на корму. После того, как драккар стал наш, он перестал садиться на весла, говоря, что теперь его дело ходить, заправив большие пальцы за пояс и глядя, как гребут простые воины, время от времени подбадривать их добрым словом. Для себя я такой поблажки не хотел. Рагнар уже побывал в походе, и воины знали, на что он способен. Мне же надо было каждому доказывать, что я стою больше, чем любой мальчишка, только что взятый на корабль из-под материнской юбки.

Всего у нас было четыре драккара: наш «Летящий» с восемнадцатью парами весел, «Сын бури» Токе – с пятнадцатью, самый маленький, «Вепрь» – большой, на двадцать пар весел, драккар Старого Бу и такой же, как у нас, «Селезень» Перелетного Арвида. Старшим ярл сделал Эстейна, хотя Старый Бу и говорил, что тот слишком молод. Однако ни Бу, ни Перелетный Арвид, ни тем более Токе не могли похвастаться тем количеством побед, которые одержал Эстейн на службе у моего отца или в своих странствиях. К тому же с ярлом Паллигом не поспоришь, особенно, когда он уже громко объявил свое решение. Потому всем пришлось слушать Эстейна и делать все, что он говорил.

А приказаний он отдавал много. Как только мы пришли к острову Ромсё, Эстейн выбрал полоску берега, заваленную высохшими водорослями, и приказал вести корабли туда. Со стороны черные борта кораблей будут сливаться с берегом, сказал он. Затем он велел вынуть мачты из гнезд и положить их вдоль палуб. Он не объяснял, зачем это нужно, но я и сам догадался, что наши высокие мачты будут выступать над низкими берегами острова и делать нас заметными с расстояния в несколько миль. Затем он велел на самом высоком холме острова поставить шалаш и укрыть его ветками и песком так, чтобы с моря его не было видно. А потом он начал свои по-прежнему утомительные упражнения.

Мы выходили в море на двух кораблях зараз и учились бросать трехлапые крюки, притягивать другой корабль к своему и перепрыгивать с борта на борт, отбивая удары. На берегу Эстейн велел свалить между двух гребней дюн камни, старые доски, обрывки сетей, пустые бочки. Там мы учились биться в тесноте палубы, где так легко оступить и потерять равновесие. Рядом он велел сделать качели, на которых упражнялись в стрельбе лучники. Так проходил день за днем.

Рагнар начал ворчать уже день на третий. Нам уже два или три раза подавали знак из нашего шалаша на холме о том, что мимо идут корабли, но Эстейн всякий раз говорил, что время для битвы еще не пришло. Рагнар каждое утро начинал с того, что уверенно заявлял, будто его меч чувствует близкую битву, и каждый вечер ложился спать, говоря, что Эстейн стал заметно трусливее с тех пор, как пришел из последнего похода. И даже начинал гадать о том, что же его там так напугало, что он стал таким осторожным. Я предлагал нам пойти

и спросить у Эстейна, почему мы так медлим, однако Рагнар отвечал, что и так знает ответ: мы еще не готовы, время еще не пришло.

А потом Рагнар сошелся с Токе. Как-то раз сын ярла, который обходился уже без тугой повязки на груди, позвал нас с братом к себе на корабль. Я не пошел, потому как в то время мы с Асгримом бились тупыми мечами между камней и досок. А Рагнар пойти согласился, потому как упражняться он уже устал, а спать идти еще не хотел. Вернувшись в тот вечер, он сказал мне, что Токе не такой уж и придурок. На следующий вечер, снова вернувшись с «Сына бури», Рагнар сказал, что если бы не спесь, с Токе можно было бы ладить. На третий вечер, едва откинув полог нашей палатки, Рагнар сказал:

– Пусть Токе и надменен, но он сын ярла. И умение повелевать у него в крови.

Я рассмеялся:

– Похоже, он тебя покори́л. Если бы ты был девицей, он мог бы уже засылать сватов.

Но Рагнар не улыбнулся:

– Посмотри на нас с Токе. Ведь мы очень похожи. Мы оба хороших кровей, и нам по праву надлежит быть вождями на наших кораблях. Вместо этого мы с тобой во всем слушаемся Эстейна, а у Токе есть Асбьёрн Серый Коготь, который тоже охотнее указывает, чем молчит.

– А что бы ты делал на месте Эстейна? – спросил я, позевывая и показывая, что этот разговор меня не особо волнует.

– Я бы построил наши корабли в ряд через попреще один от другого. И, как гребнем вычесывают вшей, прочесал бы весь Большой Бельт за три дня. А затем пошел бы на запад. Там, у Еллинге, наверняка можно захватить у свеев один или два корабля.

– А если ты со своим гребнем наткнешься на дюжину вражьих кораблей? Что делать тогда?

– Встретил бы дюжину – отошел бы. Встретил бы четыре – принял бы бой. – Похоже было, что Рагнар уже все не раз обдумал. – Но это было бы лучше, чем сидеть здесь сложа руки и ждать невесты чего.

– Но мы же не сидим сложа руки, у меня все тело болит от наших упражнений! – Я видел, что Рагнар теперь думает только о мести, и хотел его успокоить. – Мы будем лучше готовы к бою, когда придет время встретиться со свеями.

– Если оно придет! – Рагнар наклонился к моему уху и тихо спросил. – А ты не думал, что все это неспроста?

Видно, в моих глазах он не увидел понимания, потому объяснил:

– Ярл хочет сохранить корабли. Он разослал их по уединенным местам и спрятал вместо того, чтобы присоединиться к Вилобородому. Когда свеи и конунг сразятся, то кто бы ни выиграл, у Паллига останутся корабли, чтобы присоединиться к победителю.

– Это тебе Токе рассказал? – спросил я, нахмурившись, потому что о том же только сегодня мы спорили с Асгримом.

– Нет, я сам догадался, когда увидел, что мы тут сидим без дела, пока свеи грабят наши земли. Может, и нашу усадьбу уже снова ограбили.

– Знаешь, Асгрим тоже так считает, – сказал я честно. – Но я уверен, что Эстейн скажет бы нам двоим, если бы дело обстояло так. Он знает нас с тех пор, как мы сосали молоко. Станет ли он нас обманывать?

– А ты не думаешь, что он метит на место отца? – тихо спросил Рагнар. – И мы ему здорово мешаем стать большим хёвдингом.

– Завтра я пойду к Эстейну и постараюсь у него что-нибудь выведать. – Я лег на землю и завернулся в шерстяной плащ.

Наутро я пришел к Эстейну, который сидел в шалаше на вершине холма, смотрел на море вокруг нас, жевал солонину и запивал ее прокисшим пивом. Увидев меня, он улыбнулся:

– Ты снова пришел за наукой, Сигурд Харальдсон? Так и вижу вопрос, что свербит у тебя на языке.

– Ты угадал, Эстейн Синий Змей, как всегда, угадал.

Я сел рядом. И Эстейн налил мне пива из меха в кожаную кружку, которую он вынул откуда-то из-под доски, служившей ему столом.

– Выпей пива, Сигурд, потому что тяжело задавать непростые вопросы, когда в глотке пересохло.

Я плеснул пива на песок, отдавая жертву богам, выпил два глотка, поставил кружку на стол и начал:

– Скажи, Эстейн, как долго мы будем пропускать корабли, плывущие мимо и прятаться среди дюн?

– Что ж, такого вопроса я ждал. Но прежде чем ответить на него, дай мне и тебя самого спросить. – Эстейн был уверен в себе и невозмутим.

Я кивнул, и он спросил:

– Ты боишься своей первой морской битвы?

Я намеревался ответить, что, как и всякий бывалый воин, я в нетерпении, когда же снова услышу звон мечей и треск щитов. Однако я бросил взгляд на его лицо в мелких морщинах у глаз и с полудюжиной побелевших шрамов, посмотрел вокруг нас на белый песок дюн, редкие кусты травы, темно-синее море, вспыхивавшее, как серебро, в лучах поднимающегося в голубом небе солнца.

– Да, боюсь, – сказал я. – Но бывалые воины говорят, что, как только битва начнется, это пройдет.

– Бывалые воины говорят так. Но бывалые воины это те, кто выстоял не в одной битве. А что бы сказали тебе те, чьи глаза выклевали птицы Одина? Прошел ли их страх? Смогли ли они ловко рубить мечом, или их руки задеревенели, ноги не могли сделать вперед и шаг, а глаза искали место, где укрыться?

Эстейн встал и, обняв меня за плечи, повернул в сторону наших кораблей.

– На «Летящем» есть только трое из тех, кто никогда не был в битве. Но и из бывалых воинов половина привыкла биться на берегу в стене щитов, когда справа и слева тебя прикрывают твои товарищи. Все ли они сумеют выстоять в одиночку на палубе вражьего драккара?

Он показал на «Сына Бури», который готовился выйти в море, чтобы снова упражняться с крючьями и с прыжками с борта на борт.

– У Асбьёрна с Токе новичков треть, включая самого Токе. А с их низкими бортами им придется прыгать снизу вверх, чтобы встретиться с врагом врукопашную. Иначе их засыплют стрелами и копьями.

Теперь Эстейн показал на «Вепря», который отходил от берега, чтобы упражняться вместе с «Сыном бури», и «Селезня», команда которого била друг друга тупым оружием на площадке, полной насыпанных камней и досок.

– У Бу есть много бывалых воинов, однако кое-кто сказал бы, что им пора уже утонуть и проводить лето дома, грея старые кости у очага, как и самому Бу. Перелетный Арвид – вот кто для нас большая подмога. Он ходил и на восток и на запад, и среди его людей много таких, что занимались разбоем на востоке Балтики. Так что из четырех кораблей у нас только два смогли бы выстоять против свеев, случись нам схватиться с ними в открытую. А я хочу, чтобы каждый воин на наших четырех драккарах смог свалить хотя бы одного врага. Потому мы и упражняемся с утра до ночи. И когда придет время битвы, такие юнцы,

как ты, должны думать не о смерти, а о том, хватит ли трех шагов разбега, чтобы прыжком перемахнуть к свеям на палубу. Ты понял?

Я кивнул и спросил:

– Теперь ты ответишь мне на мой вопрос?

Эстейн закинул голову назад и захохотал так, что пролил пиво.

– Тебя не так легко сбить с толку, как может показаться, Сигурд, – отсмеявшись, сказал он. – Я видел, как ты бился с Асгримом. Ты уже готов к битве. Еще пару дней и к битве будут готовы все, кроме полудюжины совсем неспособных. Но ради них мы не станем ждать, их нечего жалеть. Раз им суждено умереть молодыми, так пусть они падут, как мужчины, с мечом в руке, и отправятся в Валхаллу. А не наплодят трусов, случайно оставшись жить из-за нашего милосердия.

Потом Эстейн посмотрел на меня уже серьезно и спросил:

– Почему ты пришел один, а не с Рагнармом? Он по-прежнему считает, что сумел бы сам вести корабль и людей?

Я нехотя кивнул.

– Скажи ему, – продолжил Эстейн, – что у нас в полдень будет совет, и я жду его, тебя и Токе. Асбьёрн сказал мне, что Токе, как и Рагнар, считает себя великим вождем и рассказывает своим людям сказки о том, как бы они разбогатели, если бы слушались только его. У него на «Сыне бури» полно юнцов, которым нравятся эти байки, и они уже начинают косо смотреть на Асбьёрна, когда тот начинает приказывать вместо Токе. Если так пойдет дальше, я оставлю Токе здесь на острове, когда мы выйдем в море.

Я сказал, что тоже заметил, как команда «Сына бури» разделилась. Часть живет на берегу в палатках, часть – вместе с Токе – на корабле. Но Токе – сын ярла, и вряд ли кто-то мог ожидать от него, что он будет повиноваться простым воинам.

– Что ж, – сказал Эстейн, – передай им обоим, Токе и Рагнару, что скоро им выпадет случай проверить свою удачу в битве.

Я кивнул и пошел на берег, где лучники с нашего корабля уже собирались к невысоким качелям, чтобы учиться стрелять с качающейся палубы. С ними я провел время до полудня, когда к берегу вернулись «Вепрь» и «Сын бури». Рагнару я сказал, что в полдень будет совет, и, как только нос «Сына бури» ткнулся в прибрежный песок, Рагнар поспешил передать весть своему новому другу.

Я снова взобрался на холм и нашел там Эстейна и Перелетного Арвида. Потом я увидел, что от берега к нам спешат Асбьёрн Серый Коготь и Старый Бу. Видно, о совете Эстейн заранее предупредил всех, кроме нас с Рагнармом и Токе. И если бы я не пришел к нему утром, то нас бы и не позвали. Я ждал, что увижу, как покажутся мой брат и Токе, но они оставались на «Сыне бури».

Асбьёрн, подойдя, поздоровался и сказал, что Токе не придет. Он не раб, чтобы бегать в гору каждый раз, когда его позовут, просил он передать Эстейну. Я понял, что и Рагнара нам ждать не стоит. На лице Эстейна ничего не отразилось, но я почувствовал, что он кипит от гнева. Однако голос его оставался спокойным. Он начал совет, и каждый вождь вначале сказал, сколько, по его мнению, воинов на его драккаре готово к схватке на море. Потом они еще раз пересчитали количество лучников и стрел для них. Затем начали обсуждать, сколько солонины и пива у нас осталось, и не стоит ли уже послать кого-то за новым запасом.

Я в это время смотрел на лица вождей и дивился тому, что солонина волнует их не меньше, чем копья и стрелы. Когда заговорили о том, не послать ли кого в усадьбу ярла Паллига за новыми запасами, я посмотрел на запад, где в двух поприщах виднелся берег нашего острова Фюн. Туда же посмотрел и Эстейн, и мы одновременно заметили черную точку, почти сливающуюся с берегом рядом с мысом на северо-западе.

Эстейн кивнул мне:

– Ни спускай с нее глаз. Смотри, не покажутся ли еще.

Вожди продолжили спорить, насчет того, хватит ли нам солонины еще на пять дней и не стоит ли поумерить обжорство наших людей уже сейчас. Бу говорил, что на месте ярла он бы не стал отправлять новые припасы воинам, которые уже много дней в походе, но так еще и ни разу не встретили врага. Арвид стал спорить с ним.

В это время точка росла, и скоро стало возможно различить, что это драккар, идущий на веслах на юг между нашим островком и берегом Фюна. Еще через некоторое время я смог сосчитать весла и повернулся к Эстейну.

Тот дал знак остальным вождям подождать и обратился ко мне:

– Что ты видишь в море, Сигурд Харальдсон?

Я начал отвечать медленно, боясь насмешить их своими словами:

– Я вижу драккар. Судя по тому, что голова на его носу смотрит вниз, а не вдаль, это лошадь, а не дракон. Потому похоже, что это драккар свеев. Он глубоко сидит в воде, а гребцов на нем меньше, чем мест для них. На таком корабле могло бы быть не меньше восемнадцати пар весел, а я насчитал только десять. Так может быть, если корабль был в битве и взял большую добычу, но потерял многих людей.

Я посмотрел на Эстейна, увидел, как дернулся левый уголок его губ, и потому уже смелее продолжил:

– Но если бы корабль потерял половину своей команды и взял бы богатую добычу, то он не стал бы задерживаться у чужих берегов, а пошел бы домой на восток.

Эстейн кивнул.

– И с чего вдруг свеем так поступать, Сигурд Харальдсон?

Тут я заговорил уже совсем быстро:

– С того, что они могли прознать про наши корабли, и пытаются заманить нас в ловушку. А корабль – наживка в их силках.

Эстейн посмотрел на других вождей. Видно было, что мысль о наживке не пришла в голову Бу, да и Арвид, казалось, сомневался.

– А ведь он прав, – сказал Асбьёрн Серый Коготь, хлопнув меня по плечу и улыбнувшись всем остальным. – Я думал, у меня одного тут есть кое-какие подозрения, а юный Сигурд уже все разгадал.

– Ну, – протянул Арвид, – здесь, чтобы догадаться, большого ума не надо... Вон как этот драккар глубоко сидит в воде. Это же сколько надо добычи, чтобы он так осел?

– Да, – подтвердил Бу, – он так глубоко сидит, как бывает только со всеми воинами на борту. Тут даже ребенок бы догадался...

И не успел он произнести свои последние слова, как мы все одновременно вскрикнули. А затем Эстейн и Асбьёрн бросились к берегу, размахивая руками и крича. Но было поздно, потому что «Сын бури» на полной скорости шел наперерез драккару свеев.

Я стоял на вершине холма и считал удары сердца. В то же время я видел, как «Сын бури» летит по волнам, а свеи табянят веслами правого борта и разворачивают свой корабль обратно на север. И потом я увидел, как на северо-западе у мыса появились еще две черных точки.

Я стоял и ждал, пока внизу о чем-то спорили Асбьёрн и Эстейн. А потом, досчитав до трех дюжин и убедившись, что новых кораблей только два, я побежал вниз. Спор вождей к тому времени стал совсем жарким: Асбьёрн пытался вынуть из ножен меч, а Эстейн схватил его за руки, не давая этого сделать. Лица у обоих покраснели, и они тяжело дышали. Бу и Арвид пытались их разнять.

– К свеем на помощь идут еще два корабля! – крикнул я, подбегая к ним.

– Я же сказал тебе, что так будет, – сквозь зубы прорычал Эстейн.

Асбьёрн перестал сопротивляться и вложил меч в ножны.

– И все равно ему надо помочь, – тихо сказал он.

– Твоему Токе помогли бы несколько ударов плетью! – тут же снова начал злиться Эстейн. – Здесь он может помочь себе только сам, если вовремя заметит новые корабли свеев и повернет обратно. Тогда он сам станет приманкой, и мы захватим их всех.

– А если не заметит!? – крикнул в ответ Асбьёрн. – Если ввяжется в битву!? Ярл снесет мне голову! Да и твой Рагнар тоже там!

Я вздрогнул. Как-то, увлекшись своими рассуждениями о возможной ловушке, я совсем забыл, что Рагнар тоже может быть на «Сыне бури». И теперь я почувствовал, что меня словно ударили по верхушке шлема обухом топора. Я бросился к Эстейну:

– Мы должны идти к ним на помощь!

Эстейн оттолкнул меня и зло сказал:

– Мы никому ничего не должны! Они нарушили клятву и решили напасть без приказа. Теперь у них есть два пути: либо повернуть назад и за собой привести свеев к нам, либо догнать первый драккар, который не сильно-то и убегает от них, ввязаться в бой и надеяться, что мы успеем подойти.

На это Бу сказал:

– Но если мы сейчас выведем из залива три наших оставшихся корабля, свеи увидят нас и повернут назад.

– Да, свеи уйдут, а потом приведут сюда еще полдюжины кораблей. – Эстейн был непреклонен. – И мы бросим наши берега и уйдем на юг. И проку от нас никакого не будет. И все это из-за щенка, которого забывали лупить в детстве.

У обоих, у Арвида и у Бу, были усадьбы на восточном берегу Фюна, и им совсем не хотелось уйти и оставить их на разграбление. Поэтому, наконец, они поддержали Эстейна.

– Пусть все драккары свеев ввяжутся в битву или подойдут поближе к нам, – сказал Арвид. – Я не хочу, чтобы хотя бы один из них ушел.

– Да, нельзя упускать ни один. Пусть подойдут, – согласился с ним Бу.

Мы с Асбьёрном остались в меньшинстве, и спор прекратился. Тогда Эстейн приказал всем идти на свои корабли и ждать его приказа. Я вернулся на «Летящий» вместе с Эстейном. Асбьёрн отправился с Бу, ведь его корабль ушел без него. У нас на корабле все уже были одеты в шлемы и кольчуги и сидели на веслах, ожидая знака от кормщика, Кетилия Бороды, чтобы выйти в море. Но Кетиль смотрел на Эстейна, а Эстейн смотрел на то, как «Сын бури» догоняет драккар свеев. Я надел кольчугу и шлем, поправил на поясе меч, положил рядом с собой копье и засунул за обмотку башмака нож, как учил меня когда-то отец. Потом я сел на свое место и приготовился долго ждать. Отец всегда учил меня не волноваться зря, если не в силах ничего изменить, и потому я старался не думать о Рагнаре, а пытался представить себе предстоящий бой. Эстейн время от времени говорил нам, что происходит в море – только с высоких носа и кормы можно было что-то разглядеть из-за невысокой песчаной косы, что скрывала нас от свеев.

– «Сын бури» нагоняет свеев, – рассказывал нам Эстейн. – Между ними уже только два полета стрелы. Кормчий свеев держит свой корабль между «Сыном бури» и двумя другими драккарами, так что Токе они, быть может, не видны. Многие бы сказали, что он крепко знает свое дело и играет в наживку умело.

– Мне не очень хорошо видно, – продолжал он через какое-то время, – но, кажется, осталось только несколько хороших гребков, чтобы можно было бросать крючья.

Я напрягся: если Токе прикажет бросать крючья, то кораблям будет уже не расцепиться, а на пятнадцать пар гребцов «Сына бури» придется восемнадцать или двадцать у свеев. Мы можем просто не успеть к ним, даже если наляжем на весла прямо сейчас.

– «Сын бури» табанит правым бортом, – наконец, сказал Эстейн, и я облегченно выдохнул. – Видно, Токе заметил два других драккара свеев и приказал разворачиваться.

Потом мы слышали, что «Сын бури» развернулся и пошел назад, а на корабле свеев показались спрятанные до этого люди, в уключины просунули еще весла, и охотник и олень поменялись местами. Теперь уже свеи настигали корабль Токе с каждым ударом своих двадцати пар весел. Два других корабля свеев теперь были в пяти-шести полетах стрелы от них. Я проклинал самоуверенность Токе и то, что он так поздно понял, в какую ловушку угодил.

– Мы дадим свеям и Токе сцепиться, – сказал Эстейн, – тогда те два драккара уже не смогут бросить своих товарищей, и мы схватимся четыре на три.

– Хватит ли у Токе сил против корабля, где на четверть больше людей? – спросил я.

– Это мы скоро узнаем. Посмотрим, чего стоит похвальба сына ярла.

Наконец мы слышали, что свеи нагнали «Сына бури» и бросили крючья, зацепив его борт. Началась схватка, и тут же Эстейн подал знак Кетиллю Бороде на кормовом весле, а тот сразу же крикнул:

– Навались!

И мы начали грести. И сразу нам стало не до взглядов по сторонам, потому как Кетиль затащил самую быструю из известных мне гребных песен, и мы ворочали веслами что было сил. Понятно было, что до свеев рукой подать, однако и такое пустяковое расстояние с такой скоростью гребли меня чуть не убило.

Эстейн с носа кричал нам, что Токе бьется, и с его корабля в море падают люди, а два драккара свеев помедлили и повернули нам навстречу. Потом мы слышали, как Эстейн зовет Бу и приказывает тому повернуть на помощь «Сыну бури». Это значило, что нам придется биться два на два. Еще несколько дюжин ударов весел, и Кетиль дал знак замедлить ход. Затем мы вытянули из уключин и положили вдоль бортов все весла, кроме двух передних и двух задних, чтобы не сломать их о борт вражьего драккара. Мы вставали, снимали щиты с бортов и собирались на корме и носу, откуда проще было перепрыгнуть на палубу кораблей свеев, оттолкнувшись от борта. И я, наконец, с носа смог увидеть своими глазами, что происходит вокруг.

Прямо на нас двигались два драккара. Посеребренная лошадиная голова на носу левого, скорее всего, означала, что на нем идет большой хёвдинг свеев. Правый драккар был пониже, и его нос был украшен простой, почерневшей от морской воды деревянной головой. Свеи были уже в полете стрелы от нас, и я начинал различать, что уши серебристой лошади прижаты, словно она на полном скаку мчится в битву. А у черной лошади одного уха вообще не было – видно, в одной из схваток его срубил вражий топор или меч. И хотя у хёвдинга свеев на левом корабле наверняка все воины были как на подбор, я начал опасаться и людей с правого драккара, который так ясно давал понять, что схватки в море для него – обычное дело.

Эстейн дал знак, и наши корабли слегка разошлись. Свеи наоборот почти прижались бортами друг к другу. Я не мог понять, зачем мы это сделали, ведь теперь свеи смогут помогать друг другу, а мы будем биться каждый за себя. Но времени думать об этом уже не оставалось. С кораблей свеев крикнули:

– Кто вы такие, что осмеливаетесь бросить вызов ярлу Гуннару Окесону из Вестероса?

Эстейн ответил:

– Я Эстейн Синий Змей, простой мореход с Фюна, и поскольку вы в наших водах, а не мы – в ваших, то это вам отвечать, какие ветра занесли вас так близко к нашим мечам и копьям.

– Ярл Гуннар прибыл сюда с войском конунга Эйрика Победоносного, – ответили свеи, – чтобы получить с конунга Свейна Датского виру за то, что даны помогали Стирбьёрну. И если вы не сложите оружие, вы поймете, почему конунга Эйрика так прозвали.

Наши корабли сходились, а я вспоминал, что слышал о том походе Стирбьёрна. Было то, наверное, наверное, с десятков лет назад. Тогда племянник конунга свеев Стирбьёрн, про-

званный Сильным, собрал йомсвикингов и вынудил конунга Харальда Синезубого дать ему еще и наших людей. С этим войском он отправился в Упсалу, отнимать престол у конунга Эйрика, своего дяди. Немногие из наших воинов вернулись тогда домой, после того как Стирбьёрн пал в самом начале битвы с горлом, пронзенным стрелой. И я не мог понять, почему свеи ждали так долго, чтобы попросить виру. Эстейн, как видно, подумал о том же:

– Тогда почему конунг Эйрик не отправит свое войско в Валхаллу и не возьмет виру с конунга Харальда, который уже лет восемь, как покинул Мидгард²²?

– Конунг Свейн – законный наследник конунга Харальда, и вира перешла на него, – крикнули свеи. – Разве у вас в обычае сын не в ответе за отца?

Я разглядывал людей на драккарах свеев: это были мужи, привычные к бою. Они стояли густым строем вдоль бортов, и в их глазах я видел уверенность и превосходство. Их вождь, что стоял позади посеребренной лошадиной головы, был выше других на ладонь, и шире в плечах. На вид ему минуло две с половиной дюжины зим, и он был воином в цвете лет. Его шлем сверкал серебром, а на руках были видны золотые браслеты.

– Сдается мне, конунга Эйрика стоило бы назвать терпеливым, а не победоносным, раз он ждал столько лет, чтобы прийти за вирой. – Эстейн стоял в простом стальном шлеме, и на его запястьях не было золота, однако его кольчуга во многих местах хранила следы от ударов, и голос его был крепок, а глаз – зорек. – А многие бы сказали, что конунга Эйрика стоило бы назвать жадным, раз он вспомнил про виру, только когда конунг Свейн вернулся домой с богатой добычей.

Полоска воды между нами и свеями все сокращалась, и вместо слов в ответ Эстейну вверх по крутой дуге полетели копья. Мы сомкнули щиты, подняв их над собой и Эстейном, и железо ударило в дерево. Кто-то выкрикнул проклятие, когда наконечник пробил доску и вошел в предплечье, еще один воин, которого звали Торд Умелец, охнул, когда копье, упав сверху, пригвоздило его ступню к палубе.

– Свеи так не хотят, чтобы я пришел к ним на палубу сплясать, что пытаются удержать меня здесь, – проговорил Торд и вытащил копье. – Но я могу плясать и на нашей палубе, раз меня не зовут в гости.

– Многие бы сказали, что невежливо, когда гости уже принесли хозяевам свои дары, оставить их без подарков! – крикнул Эстейн, и теперь наши люди метнули копья.

Свеи подняли щиты, как и мы на два удара весел раньше, однако не все наши копья сначала взмыли вверх: Эстейн сильно размахнулся, и послал копье над самой водой, так что оно прошло под ободом щита одного из свеев. Послышался стон, и вражеский воин перегнулся через борт. Его товарищи удержали его, но мы увидели, как острие торчит у него из спины.

– Было бы проще дать ему утонуть, – пробормотал над самым моим ухом Толстый Карк. – Он все равно скоро отправится к Одину, но только теперь будет мучиться до утра, если только кто-то из нас его не добьет.

– Да, жди, отпустит Эгир того, кто попал в его владения, – усмехнувшись, ответил Карку Хальфдан Собака. – Уж лучше помучиться, но отправиться в Валхаллу, чем жить в подводных чертогах, развлекая дочерей великанши Ран²³.

Я слушал их и удивлялся тому, как спокойно они спорят о судьбе этого раненого свея, зная, что их самих может ждать та же судьба, только на несколько ударов весел позже. А сам я чувствовал, как во мне нарастает страх.

Я видел, как носы наших кораблей сближаются, и теперь мог различить даже звенья кольчуг на свеях. Мы были так близко друг к другу, что от брошенного копья или пущенной

²² Мидгард – мир людей.

²³ Ран – великанша, божество шторма и бури, жена морского великана Эгира. Дочери Ран – девы-волны.

стрелы почти невозможно было успеть закрыться или увернуться. Наши стрелы и копья свалили с ног пятерых вражеских воинов, и у нас было уже четверо раненых. Я знал, что сейчас самое время и мне бросить копье, но вместо этого я скрючился за щитом и молил богов, чтобы следующая шведская стрела досталась не мне. Тут мне на плечо легла рука, и я услышал голос Эстейна:

– Молодец, что выждал, пока они не будут совсем близко! Теперь бросай!

Я размахнулся, чувствуя, как беззащитен теперь перед вражескими лучниками, и изо всех сил бросил свое копье. И перед тем, как снова укрыться за щитом, я увидел, как острие глубоко вошло в синий щит высокого свея. И тут же услышал, как он закричал от боли. Я тоже закричал – от радости, что все еще жив.

И тут началась настоящая схватка. Я видел краем глаза, как брошенный свеями крюк зацепил кого-то из наших за звенья кольчуги на боку, и как свеи, навалившись, перетаскивали его, орущего, через борт. Я видел, как наш крюк впился в борт корабля хёвдинга свеев. И еще я видел, как Эстейн, оттолкнувшись от планширя, перепрыгнул к свеям на нос, проломив стену щитов, которую они пытались построить, несмотря на падающих под стрелами раненых и убитых.

И тут я услышал свой собственный крик. И дальше я видел все, что происходило, как бы с двух сторон: своим обычным зрением и словно откуда-то со стороны. Будто глядя чужими глазами, я увидел, как я сам подпрыгнул на планшире и перелетел на корабль свеев вслед за Эстейном. Еще в полете я рубанул кого-то из оборонявшихся мечом по плечу и приземлился прямо среди них, едва удержавшись на ногах.

И теперь все те бесконечные упражнения, которыми нас изнурял Эстейн, сделали свое дело. Я не чувствовал никакого волнения, а дрался, словно затупленным мечом со своими товарищами, и по началу их движений, по их взгляду угадывал, куда они метят. Я был уверен в своих силах и быстрее своих противников, и пока они успевали сделать три движения, я делал четыре.

Приземлившись на узкой палубе среди канатов и весел, я с трудом удержался на ногах, всем телом вспомнив наши ежедневные мучения на площадке с камнями и досками. В мгновение ока развернувшись, я все-таки успел ударить кого-то из свеев острием меча в спину, защищенную только панцирем из вываренной кожи. Меч вошел неглубоко, но мой противник охнул и стал падать. Затем я увернулся от лезвия топора, которое падало на меня сверху, и присев, ударил воина с топором мечом в пах. Вскочив на ноги и снова повернувшись, я едва успел уйти от удара копья, которым меня пытался свалить воин, налетевший со стороны носа.

Тут я снова словно увидел себя со стороны, точнее, сверху. С трех сторон ко мне приближались воины с мечами и копьями. Эстейн тоже сражался в окружении, но на четыре шага ближе к носу корабля. И во мне снова зашевелился страх, потому что уйти от нескольких ударов сразу, каким бы быстрым я ни был, было невозможно. В реальность боя меня вернуло острие меча, внезапно выросшее из груди воина, угрожавшего мне копьем. Свей упал, а я увидел Эстейна, который крикнул:

– Защищай мне спину!

И мы встали спиной к спине, и тут уже свеям пришлось нелегко. Я не успевал обернуться, но Эстейн считал вслух, и по его словам выходило, что он сразил еще двоих, а сам я ранил одного свея в ногу. Тут к нам на палубу стали прыгать наши люди. Первым был Толстый Карк, который своим весом разбросал свеев, стоявших вдоль борта. Я успел рубануть одного из упавших по открытому горлу, и хлынувшая кровь обрызгала меня с головы до ног. Карк бил топором направо и налево, так что и сам я едва успевал увернуться. Рядом с ним возник Хальвдан Собака с поднятым мечом, и они вдвоем стали продвигаться к середине корабля.

В это время Эстейн крикнул:

– Не хочешь ли сразиться со мной, Гуннар ярл?

Карк и Хальвдан разбросали всех врагов передо мной, поэтому я развернулся туда же, куда смотрел Эстейн – в сторону носа. Там оставалось еще трое свеев во главе со своим ярлом в серебристом шлеме. Ярл Гуннар подал знак, и они напали на Эстейна все одновременно. Однако Эстейн отошел на шаг влево, чтобы двое из нападавших стали бы мешать друг другу. И тут я выскочил из-за его правого плеча и рубанул крайнего справа свея с заплетенными в десяток косиц усами и бородой. Тот не ожидал нападения, но успел отвести мой удар.

В это время Эстейн, внезапно запрыгнув на планширь, ударил сверху, метаясь в правое плечо самому левому из свеев. Тот попытался отбить удар своим мечом, однако лезвие Эстейна прошло за ним и вонзилось свею в спину. Противник Эстейна медленно осел, и теперь мы оказались двое надвое с двумя оставшимися: Эстейн против Гуннара, а я против свея с бородой в косицах. И это был славный бой.

Мне не доставало опыта, зато я был быстрее, и, полный восторга боя, мог бы махать мечом хоть до заката. Мой противник был намного старше меня, и видно было, что он прошел немало схваток. И пусть он был медленнее меня, у бывалых воинов есть много хитростей, чтобы справиться с такими, как я. Поэтому я был осторожен, не сильно полагаясь на свою удачу, и гадая, где ждать подвоха.

Мы обменялись дюжиной ударов, однако никто из нас не был задет. И я начал чувствовать, как мой запал проходит. Мой противник двигался медленно, но его удары были посильнее моих, и я видел, как расчетливо он двигается, стремясь сберечь силы. Я отошел на шаг, стараясь не споткнуться об убитых и раненых, лежащих у нас под ногами. Свей сделал еще шаг вперед. Я ударил, и свей вместо того, чтобы отбить мой меч плоскостью или умбоном, принял удар на край щита. И тут я заметил, что у его щита нет железного обода. Мой меч вошел в дерево и застрял. Свей махнул щитом влево и я, теряя равновесие, но стараясь удерживать свой клинок, шагнул за ним. Тут же меч свея ударил в мою открывшуюся левую ногу, и это было больно. Я почти успел увернуться, но он все-таки задел меня, и из глубокого пореза хлынула кровь. Я сумел выдернуть меч и отступил на шаг.

Теперь я знал, что будет дальше. Щит без обода – была его хитрость. И видно не одного врага он поймал в эту ловушку. Меч легко застревал в липовом дереве, и любой неудачный удар мог запросто оставить меня безоружным. Теперь я уже не радовался бою, а молил богов, чтобы кто-нибудь пришел ко мне на помощь. Однако боги глухи к мольбам трусов. Мне надо было побеждать самому. И я пошел вперед.

Я вложил все свои силы в полдюжины ударов. Я бил по щиту свея, стараясь расколоть его. Мой противник улыбался сквозь свои косицы и отступал, а потом сам бил, держа меня на расстоянии. Он знал, что моего нового запала надолго не хватит. Я нанес еще один сильный удар, свей слегка повернул щит, и я почувствовал, что мое лезвие снова застряло. Я слегка присел и изо всех сил потянул свой меч вниз, стараясь, чтобы он высвободился. Свей уперся ногами и потянул свой щит вверх и влево. И тут я выпустил меч из руки и выхватил нож из обмоток. Когда мое сопротивление пропало, щит свея резко рванулся в сторону, а сам он слегка отшатнулся назад. Я не был уверен, что смогу ножом пробить его кольчугу, потому ударил в левую ногу. Свей зарычал, а я оставив нож в ране, отскочил на шаг. Оглядевшись, я нашел чей-то лежащий на палубе меч и схватил его.

Я думал, что мой раненый противник не сможет сделать и шага, но я ошибся. Он не стал вытаскивать нож и своей ноги, чтобы не открывать рану, а, несмотря на жуткую боль, выдернул мой меч из щита, бросил его на палубу, сделал шаг ко мне и ударил. Я отбил его меч и ответил. Свей снова принял удар на щит, однако я почувствовал в нем какую-то неуверенность и понял, что теперь ему намного сложнее поворачиваться. Тогда я сделал шаг вправо

и ударил, метаясь ему в шею. Свей повернулся на раненой ноге и отбил удар. Я еще раз шагнул вправо и снова замахнулся. Мой противник повернулся за мной. Даже под густой бородой я видел, как его лицо корчится от боли. И тогда я всем телом бросился вперед и ударил его щитом в щит. Свей закричал от боли и не удержался на ногах. Вскочить он уже не успел, потому что я прыгнул вперед и со всей силы вогнал меч ему в живот, пробив кольчугу и пригвоздив его к палубе.

Я оставил чужой меч в ране, а сам подобрал свой Драконий Клык и огляделся. Эстейн все так же бился с ярлом Гуннаром. Ярл без устали махал топором, возвышаясь несокрушимой скалой, а Эстейн Синий Змей вился вокруг него, пытаясь достать мечом и при этом не пропустить ломающий кости удар. Сзади битва шла уже в середине корабля у самой мачты. Я видел, как Толстый Карк идет вперед во главе клина наших воинов, выстроившихся за ним. На соседнем корабле свеев тоже кипела схватка, но там людям Арвида не удалось продвинуться так далеко, как нам.

Я слышал проклятия раненного мною свея и сказал ему:

– Ты бился хорошо, и заслуживаешь места в чертогах Высокого²⁴.

После этого я вонзил Драконий Клык ему в горло, окрасив кровью его заплетенную в косицы бороду. Я еще раз огляделся и двинулся на помощь Эстейну, которого ярл прижимал к левому борту. Я понимал, что если у Эстейна не будет возможности уклоняться, то очень скоро топор ярла достанет его. Однако Эстейн справился без меня. Когда казалось, что он уже совсем прижат к борту, ярл замахнулся и ударил что есть сил. Только зря он при этом забыл, как Эстейн перед битвой назвал себя Синим Змеем. Движением, которое, иначе как змеиным, не назвать, Эстейн уклонился и словно проскользнул под правой рукой ярла. Топор вонзился в планширь, а Эстейн ударил ярла в правый бок еще до того, как тот успел отскочить и закрыться щитом. Ярл покачнулся, и Эстейн нанес еще удар, попав в шею. Ярл Гуннар повалился на палубу. Тогда Синий Змей снял с него шлем и поднял его, надев на свой меч. Так он шагнул к мачте, где продолжалась схватка.

– Вы плохо защищали своего ярла! – крикнул он свеям. – И теперь в Валхалле он будет выходить на бой без своего серебряного шлема. Потому что шлем этот теперь мой!

Последние слова он просто проорал, а все мы поддерживали его свирепым рыком и двинулись вперед. Теперь я заметил, что и на корме драккара ярла Гуннара много наших людей, так что свеи теперь сомкнули щиты вокруг мачты. При виде шлема своего ярла, они совсем пали духом, и видно было, что нет среди них вождя, что смог бы повести их вперед. Еще один натиск, и среди свеев началась суматоха: кто-то еще сражался, а кто-то спешил перелезть на соседний драккар подальше от наших мечей и топоров. Там люди Арвида уже оттеснили свеев с кормы, но дальше не могли продвинуться ни на шаг.

Эстейн отбросил шлем и ринулся в гущу схватки. Свеи дрогнули, их строй рассыпался. Мы били их в спины, когда они перебирались через борт. И теперь больше двух дюжин свеев лежало под нашими ногами на залитой кровью палубе. Когда волны поднимали корабль, убитые перекатывались из стороны в сторону, и казалось, будто они оживают. Сами мы были залиты кровью с головы до ног, и странно было видеть, как ярко на бурых лицах горят белки глаз и зубы улыбающихся ртов.

Я решил, что мы заслужили передышку, но Эстейн не был согласен со мной.

– Лучники – ко мне! – крикнул он.

Это было лучшим выходом. Люди ярла Гуннара, перебравшись на второй драккар, теснились у мачты, и не у многих из них еще были щиты. Эстейн взмахнул рукой, и первые стрелы ударили в самую гущу свеев. Послышались крики, а Арвид, увидев, что сделал Эстейн, приказал своим людям поступить так же. Теперь стрелы летели с двух сторон,

²⁴ Одно из имен бога Одина.

и укрыться от них было почти невозможно. Тогда свеи хотели было перерубить связывающие корабли канаты, однако несколько смельчаков, выскочивших вперед с топорами, пали, утыканные стрелами.

Эстейн громко крикнул:

– Лучники – стой! Свеи, кто ваш вождь?

Из рядов свеев послышался голос:

– Наш вождь ярл Гуннар из Вестероса.

Свеи расступились, и вперед вышел невысокий, но очень широкоплечий воин в черных кожаных доспехах.

– И сегодня он поведет нас по радужному мосту за собой в чертоги Одина! – продолжил свей.

– Я вижу, тебе не терпится отведать пива, что разносят на пиру у Всеотца²⁵ девы-валькирии, свей? – спросил Эстейн. – Как звать тебя, воин?

– Звать меня Черный Ульф, и сам я из Вестероса. И давай поторопимся с нашим делом, потому как потом нам будет сложно догнать нашего ярла. А лучше, чтобы знатный человек указывал нам путь.

– Меня зовут Эстейн Синий Змей, – прозвучало в ответ. – И мои лучники могут отправить вас туда, где вечно пируют, раньше, чем иной сосчитает до дюжины дюжин. Но мало в том будет мне чести и прибытка.

– Тогда выходи биться один на один, и ты заслужишь великую честь, коли не падешь от моего меча, – сказал Ульф.

– Про тебя не скажешь, что ты очень умен, Черный Ульф, – ответил Эстейн. – Иначе ты мог бы заметить: это не твои лучники могут превратить меня в оперенного ежа, а мои – тебя. И если ты думаешь, что мне будет много чести с того, что я обмараю свой меч о какого-то бонда с вшивого хутора на далеком севере, то ты еще глупее, чем я думал. Но может, среди твоих людей есть кто-то поумней, кто не видит много проку в том, чтобы идти в Валхаллу за ярлом, который не очень-то хорошо умел махать топором.

Я видел, что Эстейн намеренно выводит Ульфа из себя. Если он хотел, его змеиный язык источал мед, а не сыпал оскорблениями, как теперь. И еще я видел, что среди свеев нет согласия. Эстейн словно вбивал клин между простыми воинами и их хёвдингом. Ульф, видно, это почувствовал. Он обернулся, посмотрел в глаза тех, кто стоял рядом, и не нашел в них решимости сражаться до конца. Тогда он зарычал и перепрыгнул к нам на корабль, размахивая топором. Эстейн словно ждал этого. Он шагнул в сторону и поставил Ульфу подножку. Тот повалился между скамей, и я подумал, что сейчас Эстейн всадит меч ему в спину. Но вместо этого Синий Змей просто, наклонившись, изо всех сил ударил Ульфа яблоком рукояти меча. Ульф потерял сознание и Эстейн приказал его связать:

– Пусть полежит связанным, пока не уgomонится, – громко сказал он и посмотрел на свеев.

Те переглядывались, и, наконец, кто-то из них крикнул:

– Эстейн Синий Змей, сохранишь ли ты нам жизнь?

– Клянусь в том, – ответил Эстейн.

– Мы сдаемся! – раздались крики сразу с нескольких сторон, и свеи стали бросать оружие на палубу и в воду.

– Свяжите их по двое, – велел Эстейн. – Мы потом посадим их на весла.

Наши воины стали вязать сдавшихся в плен, а мы с Эстейном прошли на нос, чтобы поглядеть, что случилось с кораблями Бу и Токе. То, что мы увидели, нас успокоило. Бой там тоже прекратился, и мы видели Старого Бу, который стоял на носу и следил, как с корабля

²⁵ Всеотец – одно из имен бога Одина.

свеев на «Вепря» переносят сундуки и бочонки. Я улыбнулся, но тут пригляделся к «Сыну бури» и заметил, что у него на носу и корме никого нет. Я взглянул на Эстейна – заметил ли он?

– Скоро мы все узнаем, – спокойно сказал Синий Змей. – Нити нашей судьбы – в руках норн, и ты ничего не можешь изменить.

– Неправда! – ответил я. – Ты был в силах изменить судьбу тех, кто был на «Сыне бури», если бы дал нам пораньше выйти наперерез свеем.

– Ты думаешь, я сильнее самой судьбы, юный Сигурд? – спросил Эстейн все еще спокойно. – Хотелось бы мне, чтобы это было так.

Эстейн посмотрел вокруг и сказал:

– Ты прав, если бы мы раньше вышли из нашей засады, то свеи повернули бы назад. После этого Токе стоило бы выпороть кнудом и отправить домой. Однако вряд ли Асбьёрн Серый Коготь дал бы свершиться справедливому наказанию. Потому мы не стали бы наказывать и Рагнара. И Токе с твоим братом решили бы, что им все позволено, а в этот раз просто не повезло. И в следующий раз они могли бы завести нас в западню или сделать еще что похуже. – Теперь Эстейн говорил со злостью в голосе. – И много наших людей могли бы отправиться в небесные чертоги до времени из-за их безрассудства. Так что ни Токе, ни Рагнар не избежали бы своей судьбы. Просто это случилось бы позже. Но я, хоть ты теперь можешь меня ненавидеть, сделал так, что они усвоили свой урок прямо сейчас. И если они остались в живых, то, значит, что-то запомнили.

Эстейн повернулся и начал раздавать приказания. Потом он взял меня за плечо и сказал:

– Я останусь на этом корабле, пока мы его не продадим. Я давно заметил, мне нравится роскошь. – Он показал на посеребренную лошадиную голову на носу. – А ты на это время станешь хёвдингом на нашем «Летящем». Посмотрим, что у тебя получится.

Я смотрел на него, раскрыв рот. Тогда он улыбнулся и едва слышно сказал:

– Ты хорошо бился сегодня, воины уважают таких бойцов. Сейчас хороший случай, чтобы они согласились тебе подчиниться.

Потом лицо Эстейна снова стало суровым, и он уже громко продолжил:

– Поэтому возьми дюжину наших людей и дюжину пленных, посади пленных на весла, и, если хочешь, можешь отправиться к «Сыну бури» и посмотреть, что стало с твоим братом. И еще... Попроси кого-нибудь перевязать твою ногу.

Я кивнул и перешел на «Летящий». Я хотел прыгать от радости и петь, но вместо этого старался, чтобы мой голос оставался спокойным, когда я отдал свой первый приказ идти к «Сыну бури». Больше всего я боялся, что кто-нибудь из бывалых воинов захочет меня поправить. А то и просто посмеется надо мной. Но Кетиль Борода спокойно стал у кормового весла, а воины покорно сели на весла. Так я стал хёвдингом на корабле моего отца.

Глава 5

Я радовался недолго. Как только мы подошли к «Сыну бури», я сразу заметил, что на его палубе осталось намного меньше людей, чем у нас. Видно было, что есть много раненых. И те, кто остался невредим или получил только легкие раны, вроде моей, пытались помочь тем, кто был ранен тяжело.

Токе я увидел сразу. На нем не было ни царапины, но он был очень бледен и, глядя в одну точку, сидел, прислонившись спиной к фальшборту. Рагнару повезло меньше. Он был жив, но весь залит собственной кровью. Самая серьезная рана была на левой ноге: топор вошел сзади в ляжку и достал почти до кости. Рана в боку казалась менее глубокой, но было неясно, сильно ли задеты внутренности. Рагнар был без сознания и тихо стонал. Рядом с ним сидел Аке Серый, пожилой воин с «Сына бури», и пытался остановить кровь.

– Он стоял у мачты, когда они, – Аке показал на убитых свеев, что лежали на палубе, – всей силой навалились на нас. Токе велел отходить на нос и корму и сам стал отступать первым. Началась суматоха. Я думал, что наш строй рассыплется, и нас перебьют со спины. Но Рагнар и еще двое остались и задержали свеев. Дали нам время построиться и закрыться щитами. Однако самих их быстро окружили. Из троих только Рагнар еще дышит – видно, свеи не стали его добивать – слишком молодым он им показался.

Я коснулся лица своего брата и почувствовал, как слезы текут у меня по щекам. Я вспомнил, как в детстве мы всегда были вместе, как он защищал меня и как придумывал разные игры и проказы, за которые нас наказывал отец. Так было всегда, сколько я себя помнил, пока не отправился жить заложником в усадьбе ярла Паллига. После моего возвращения прошлой осенью все изменилось: Рагнар, вернувшись из похода, считал себя бывалым воином, которому не пристало проказничать, и смотрел на меня как-то слишком снисходительно. Однако все равно он оставался самым близким для меня человеком, даже ближе отца и матери.

Отца больше не было с нами, а теперь я мог потерять еще и брата!

Ко мне испачканный кровью, но невредимый подошел Асгрим Законник и тронул меня за плечо:

– Его надо отвези к вам в усадьбу. Твоя мать и сестры смогут выходить его. Здесь он скоро помрет.

Я кивнул и ничего не сказал. Потом я встал и попросил Асгрима помочь мне перенести Рагнара на «Летящий». На помощь к нам подошли еще воины из команды Токе, но сам он не двинулся с места, а по-прежнему смотрел куда-то в сторону. К нему подошел Асбьёрн Серый Коготь и потряс за плечи. Только тогда Токе словно очнулся. Он вскочил и стал размахивать руками и что-то торопливо говорить Асбьёрну, будто оправдываясь.

– Твой брат смелый, – сказал мне воин по прозвищу Свистун. – Если бы не он, еще дюжина наших отправилась бы кормить дочерей Ран.

Свистун посмотрел на машущего руками Токе и покачал головой.

– Все рассказывал нам, как давно сделал бы нас богачами, если бы не приходилось во всем слушаться Эстейна, – продолжил Свистун, кивнув на Токе. – А потом укрывался за нашими спинами, как только увидел блеск мечей...

– Молчи! – оборвал его Асгрим. – Ты первый крикнул, чтобы мы выходили в море, не дожидаясь Асбьёрна, так тебе хотелось легкой добычи. Теперь посмотрим, достанется ли нам хоть что-нибудь от Эстейна, когда он будет делить серебро за три корабля.

Я не хотел их слушать. Мне не было дела до Токе, его людей и серебра. Все, что мне было надо, это чтобы Эстейн разрешил мне отвезти Рагнара к нам в усадьбу. Поэтому, как только Рагнара удобно уложили на корме, я попрощался с Асгримом, и мы отошли.

Эстейн выслушал меня и согласился, только велел взять к нам в усадьбу и других раненых и отправить по суше восточку ярлу Паллигу. Я согласился, хотя не знал, найдется ли теперь у нас дома достаточно припасов. Но я рассудил, что как только ярл узнает про произошедший бой, он пришлет нам муки и солонины. Затем Эстейн сказал, что будет ждать нас на следующее утро, и мы пошли на юго-восток. Пленные свеи со связанными и привязанными к скамьям ногами, гребли медленно, постоянно жалуясь на свои раны. Мне пришлось вытащить из-за спины меч и пройти на корму.

– Эстейн Синий Змей обещал вам жизнь, – сказал я. – Но он не обещал, что эта жизнь будет легкой. Мы везем моего брата, которого ранили ваши люди, ко мне в усадьбу, и нам надо торопиться, потому что от качки ему делается хуже. И если кому-то из вас мешают грести привязанные ноги, то подумайте о том, что иметь две привязанных ноги лучше, чем свободную одну.

И я ударил ближайшего ко мне пленника мечом по ноге. В последнее мгновения я повернул лезвие, так что удар пришелся плашмя. Однако и этого хватило, и мы пошли быстрее.

Еще до темноты мы вошли в протоку Кертеминде и вытащили корабль на берег напротив нашей усадьбы. «Летящий» узнали, и к нам тут же вышло несколько человек, среди которых я сразу узнал по важной походке своего старшего брата Бьёрна. Он тоже заметил меня и замешкался, не увидев рядом со мной ни Эстейна, ни Рагнара. Его желание показать себя хозяином усадьбы тут же исчезло, и он побежал к берегу.

Я тоже хотел показать ему, какой я теперь великий хёвдинг и стоял на носу, опираясь о голову дракона. Однако увидев, как он, спотыкаясь, бежит к нам, я не выдержал, прыгнул в воду и побежал со всех ног ему навстречу.

Мы обнялись, словно с нашей последней встречи минуло несколько лет, а не пара недель. И Бьёрн сразу же спросил:

– Какие вести ты принес, Сигурд?

– Дурные и хорошие, – ответил я. – Рагнар жив, но тяжело ранен. Я привез его домой. А с ним еще две дюжины раненых, за которыми нужен уход. Мы взяли у свеев три корабля и отомстили за отца.

К Бьёрну вернулось его спокойствие. Он кивнул и сказал:

– Расскажешь потом. Сейчас нам надо заняться Рагнаром.

Рагнара перенесли в усадьбу, и им занялась наша мать. Остальных раненых тоже пристроили кого где. Бьёрн не стал злиться на то, что ему в разоренной усадьбе придется кормить столько лишних ртов. Наоборот, он похвалил Эстейна за мудрость, сказав, что раненые – это наши соседи, и все, что мы для них сейчас сделаем, вернется нам сторицей. Я рассказал ему про битву, и он долго недоуменно смотрел на меня, когда я говорил про то, как мы с Эстейном первыми перепрыгнули на вражеский драккар.

– Многие на моем месте тебе бы просто не поверили, – наконец, сказал он. – Но я тебя знаю, ты не стал бы хвастать понапрасну. Чего мне не понять, это зачем тебе понадобилось так испытывать милость богов. Для этого в нашей команде есть Эстейн и Толстый Карк.

Теперь пришла моя очередь удивляться:

– Разве вождь не должен вести своих людей?

– Должен, – согласился Бьёрн. – Но это не значит, что он первым должен лезть на копья. Дело вождя – решить, кто стоит впереди, кто позади, как подойти и когда послать подмогу. Смог бы ты сделать это, окруженный врагами на палубе вражьего драккара?

– Понимаешь, – признался я, – я сам не понял, как так получилось. Я как будто опьянел от звуков битвы. И сам не заметил, как прыгнул вслед за Эстейном. Разве с тобой такого не бывало?

Бьёрн внимательно посмотрел на меня.

– Теперь я понимаю, – наконец, проговорил он, – почему отец сделал такой выбор. Почему ты должен был отправиться с ним в поход, а не я. Не знаю, наверное, я мог бы стать хорошим вождем, но воины любят не таких, как я, а таких как ты. Тех, кто пьянеет от ударов мечом, кто смеется, разрубая щиты и шлемы. Меня же от этого всего воротит.

Он замолк и больше мы об этом не разговаривали.

На следующее утро мы отправились обратно, и я даже не знал, останется ли Рагнар жить. Но я дал обет Одину, что если мой брат поправится, то я отдам половину серебра, которое мне причиталось, в его святилище в Оденсе.

Эстейн был доволен, что мы воротились вовремя, и тут же позвал меня на совет. Мы собрались там же, где и за день до этого – у хижины на вершине холма. Только теперь мы выглядели совсем по-иному: у меня была перевязана нога, у Перелетного Арвида была повязка на руке и свежий порез на правой стороне лица. Бу, как я понял, сам в схватке не участвовал, но стрелу в руку получил – сейчас рука лежала на перевязи. Асбьёрн так рвался на помощь Токе, что получил удар топора в правую сторону груди. Его нагрудник выдержал, но пара ребер у него была сломана. Сейчас он сидел спеленатый, как ребенок, и с трудом дышал. Только Эстейн не получил ни единой царапины. Мы посмотрели друг на друга и все разом рассмеялись. Затем Эстейн спросил меня:

– Тебя учили счету?

Я ответил, что до сотни я считаю легко, а потом мне нужно иметь что-то под рукой, чтобы делать зарубки. Эстейн кинул мне две палки: одну толстую, другую потоньше.

– Тогда тебе считать в этот раз. Будет и с тебя прок, наконец, на нашем совете.

Остальные рассмеялись, а я покраснел: я-то думал, что теперь на совете я сижу не просто, как ученик Эстейна, а как хёвдинг корабля, равный другим. Но я ничего не сказал. Я вдруг понял, что Эстейн устроил это представление просто, чтобы я не сильно задавался.

Бу начал первым. Он сказал, что из его людей девять никогда больше не увидят рассвет, трое борются за жизнь, еще шестеро отделались легкими ранами. Захваченный им корабль называется «Гром», на нем шли четыре дюжины и еще трое воинов. Из них в чертоги Ран отправились две дюжины и один, трое находятся на пути к жене Эгира, остальные сдались. Из них восемь не могут грести. На «Громе» люди Бу взяли четыре бочонка пива, семь бочонков солонины и вяленой рыбы, двадцать три марки серебра, серебряную утварь небольшой цены, много шлемов, мечей и копий.

Так все вожди перечисляли оставшихся и погибших людей и захваченную добычу. Я делал зарубки по числу целых дюжин на одной палке, а остающееся количество отмечал на другой. Вышло, что семьдесят три из числа свеев никогда больше не увидят Упсалу. И большая часть из них полегла на «Серебряном жеребце», которого захватили мы с Эстейном. Еще шестьдесят пять человек попали к нам в плен. Среди наших же в Валхаллу отправились сорок три воина, причем семнадцать павших были из команды Токе и Асбьёрна, а двенадцать из команды Арвида. У нас также было три десятка раненых, не считая тех, кого я уже отвез к нам в усадьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.